

Андрей Курков

FOLIO

ФОРЕЛЬ
à la
НЕЖНОСТЬ

Андрей Курков

Форель à la нежность (сборник)

«Фолио»

2011

Курков А. Ю.

Форель à la нежность (сборник) / А. Ю. Курков — «Фолио»,
2011

Повести и рассказы, вошедшие в эту книгу, объединяет непредсказуемость сюжета, ирреальное в жизни, казалось бы, обычных людей, неповторимые характеры героев, в каком бы абсурдном мире они ни существовали. В публицистических произведениях А. Курков размышляет о настоящем и будущем Украины.

© Курков А. Ю., 2011

© Фолио, 2011

Содержание

Повести и рассказы	5
Нападение	5
Форель à la нежность	26
Укус и поцелуй (форель à la нежность-2)	38
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Андрей Курков

Форель а la нежность (сборник)

Повести и рассказы

Нападение Повесть

1

Нас развозили на большой крытой машине. Подъезжала она к какому-то заброшенному месту: будь то бурелом или земляные трещины, лейтенант пускал в предвечернее небо зеленую ракету, и через минут десять-пятнадцать у машины появлялось незнакомое землистое лицо, молча кивало и уводило за собой одного из нас, одного из новобранцев.

Вскоре я остался один. Машина не спеша ехала по грунтовке. По бокам дороги то ли болото было, то ли низинка, перепаханная временем: пеньки, маленькие холмики, высохшие стволы и множество валунов.

Остановились.

– Ну и везунчик ты! – усмехнулся молоденький лейтенант, выйдя из водительской кабины. – Попал кур во щи!

Я молчал, глядя на зимнее серое небо.

– На этой заставе несколько лет назад всех перебили, – продолжил лейтенант. – А новый состав еще полностью целый, но дикие они какие-то и переводиться в другие места не хотят. Граница – дело беспокойное!

Ну вот я и понял, что на границу попал. А то все не говорили, куда засылают. Мол, приедешь – увидишь! «Что ж, – подумал я, – граница так граница».

Небо прорезала очередная зеленая ракета. Только невысоко она взлетела, вяло сделала дугу и потухла даже не в воздухе – на земле, метрах в ста от нас.

Лейтенант, заметив мое удивление, пояснил, что в этих местах воздух плотнее.

Из темноты вынырнул и молча стал рядом с машиной человек в военной форме с седой шевелюрой, выбивавшейся из-под фуражки. Он внимательно оглядел нас.

– Вот, вам новенького прислали! – нервно выпалил лейтенант, переступая с ноги на ногу.

– Зачем? – спокойно спросил седой.

– Приказали доставить новобранца для пополнения личсостава.

– Мы не нуждаемся. – Седой затолкал волосы под фуражку.

– Но у меня приказ... мне его некуда больше везти... что ж, здесь оставлять?!

– Здесь нельзя.

В конце концов лейтенант уговорил седого забрать меня с собой. Я закинул вещмешок за плечо и шагнул в темноту следом за несговорчивым воякой.

Лейтенант виновато посмотрел на меня напоследок и негромко сказал: «Будь!»

Вскоре мы пришли. На небольшой поляне стоял аккуратный одноэтажный домик, крытый черепицей.

Седой вошел первым и включил свет.

Просторная комната. На журнальном столике расставлены шахматы, в углу в пирамиде – несколько автоматов.

На койках заворочались четверо. Защурились от яркого света.

– Пополнение! – подтолкнув меня вперед, объяснил седой.

Теперь я разглядел его капитанские погоны.

Лежащие смотрели на меня с любопытством.

– В шахматы играешь? – спросил один из них.

– Знаю, как фигуры ходят, – ответил я.

Снова наступила тишина.

– Отбивайся! – приказал капитан. – Утром познакомимся.

Он указал на широкую скамью в дальнем углу комнаты.

Спустя несколько дней обо мне все забыли. И не то чтобы меня не замечали, просто капитан приказал, чтоб я без дела не сидел, но предупредил, что если я сам себе дела не найду, за меня никто его искать не станет.

Я решил изучать шахматы: в маленькой библиотечке погранзаставы имелась добрая сотня книг и брошюр по шахматной теории. Один из пограничников, весьма одоблив мой выбор, принес мне в пользование новенькие фигуры. Теперь появился и распорядок дня: завтрак, шахматы, обед, шахматы, ужин, шахматы.

Через несколько дней капитан разбудил всех часа на два раньше обычного.

– Карнавал! – громогласно объявил он.

Все ожили, вмиг повскакивали с коек, принесли из служебного помещения несколько столов и поставили их буквой «П», а потом, словно скатертями, накрыли картами каких-то военных действий.

Капитан с сержантом втащили в комнату большой опечатанный ящик, топором вскрыли его и вытащили несметное число оловянных красноармейцев, танков и пушек.

Капитан посмотрел на ходики, висевшие на стене, и крикнул:

– Форма номер девять!

Воины побежали в каптерку. Я кинулся за ними.

В каптерке висели комплекты красноармейской формы начала двадцатых годов. Буденновки, галифе, сабли.

Карнавал начинался в полдень. Солдаты привычными движениями расставляли на картах оловянных красноармейцев, пушки и танки.

Я присел в уголке и следил за происходящим.

Вдруг на улице раздался щелчок кнута и ржание коней.

– По местам! – скомандовал капитан, взъерошив свою седую шевелюру и нахлобучив поверх нее форменную фуражку.

Все вскочили. Дверь распахнулась, и в комнату вошел белый офицер, за ним несколько мелких белогвардейских чинов. Капитан шагнул навстречу офицеру белой армии, они подали друг другу руки и уселись за столом один напротив другого.

Мелкие белогвардейские чины торопливо расставляли на картах свои игрушечные войска.

– Сегодня позиционная? – осведомился белый офицер.

Капитан подошел к отрывному календарю.

– Да, – прошептал он, – позиционная с последующей атакой красных.

– Отступать? – по-деловому спросил белый.

– Нет, атака отбита, – ответил седой. – Сержант Бутырлин, поставьте самовар!

– Слушаюсь! – Сержант вскочил из-за стола и побежал в каптерку.

На картах возникло движение. Белый офицер и капитан по очереди отдавали приказы, а подчиненные послушно меняли дислокацию пехоты, артиллерии, танков. Капитан два раза ошибался, но белый офицер гуманно разрешал «переходить», то есть изменить приказ. Потом последовала атака красных, но была отбита подоспевшим эскадроном белоказаков. Красные отступили на свои позиции, и позиционная война продолжилась.

После отбитой атаки на картах военных действий появились стаканы с чаем.

Сержант Бутырлин аккуратно записывал каждый приказ седого капитана.

Приказы белого офицера записывал приземистый вихрастый фельдфебель из казаков.

Так продолжалось до позднего вечера. После совместного ужина игрушечные войска были уложены в ящики, а карты протерли тряпкой, свернули и спрятали. Белые попрощались, поблагодарив за прекрасно проведенный день.

Все снова встало на свои места. Я днями просиживал над шахматной доской, разбирая отложенные партии Карпова и Каспарова. Капитан и четверка во главе с сержантом Бутырлиным то неожиданно исчезали, то так же неожиданно появлялись. До меня им никакого дела не было, ко мне даже никто и не обращался. Я вроде и служил здесь, ведь имелись у меня своя миска и кружка, но никаких нарядов, никаких заданий.

Недели две спустя капитан за ужином сообщил, что следующий карнавал произойдет через день за границей. Это сообщение никого за столом не удивило, из чего я сделал вывод, что карнавалы такие проводятся регулярно то на нашей, то на другой стороне границы. Но что за государство находилось по ту сторону границы, я до сих пор не знал. Спросить об этом было как-то неловко. Боялся, что засмеют.

После ужина капитан впервые вызвал меня к себе. Оказалось, что у него в одной из каптерок оборудован кабинет.

– Думаю, что вы уже пообвыкли у нас, – сказал капитан. – Завтра мы уходим на день, и в связи с этим у вас появляется возможность совершить подвиг или выполнить первое боевое задание!

Я насторожился.

– Вы остаетесь охранять заставу и всю границу! Вопросы есть?

Вопросов у меня было множество, но задавать их я не решился.

Когда на следующий день капитан и четверо пограничников покинули заставу, я, закинув автомат на плечо, впервые обошел окрестности. Удивило меня более всего то, что я не нашел ни единой тропки или дорожки. Все вокруг поросло диким лесом.

Обойдя пару раз вокруг заставы, я вернулся в комнату и засел за шахматную доску. Пытался доиграть последнюю отложенную партию Карпова и Каспарова. Мысли работали плохо, то и дело ходил глупо, несобранно. Чтобы ходить за Каспарова, приходилось пересаживаться, так как, сидя на месте Карпова, я не мог объективно анализировать позиции.

Неожиданно со двора донеслись крики и ржание коней.

Не успел я подняться, как двери распахнулись и в комнату вбежал знакомый белый офицер с шашкой наголо.

– Руки! – заорал он мне. Лицо его исказилось от ярости. – Руки! Я кому сказал!

Ничего не соображая, я поднял руки. Офицер снял с моего плеча автомат и обыскал меня. В комнату зашли фельдфебель и еще несколько белогвардейцев с ружьями.

– Где карты военных действий? – спросил офицер.

– Не знаю... – пробормотал я.

Офицер вынул из кобуры револьвер.

– Сейчас ты все узнаешь! Лицом к стенке! К стенке! Где карты?

– Какие? – мой голос задрожал.

– Карты, на которых мы пили чай две недели назад! – не унимался офицер.

– Не знаю... – ответил я.

– Твое последнее желание? – холодно спросил он.

Вопрос прозвучал удивительно обыденно, словно спросили «который час?». Я подумал о своих желаниях.

– Если можно, хотелось бы разыграть последнюю отложенную партию в шахматы...

– Кем отложенную? – спросил офицер.

– Карповым и Каспаровым.

– А кто из них кто? – поинтересовался офицер.

– Оба наши, русские... то есть советские.

– Славно! – усмехнулся офицер. – Гражданская шахматная война! Или как ты там назвал – партия?! Ну, давай сыграем, только я – белыми.

– Согласен! – выпалил я. – Значит, вы за Каспарова, я за Карпова.

Фельдфебель с белогвардейцами переворачивали заставу вверх дном, а мы с офицером разыгрывали отложенную партию. Офицер очень уважал Алехина, но больше никого из шахматистов назвать не мог. Играл он послабее меня. В тот момент, когда я объявил ему, то есть Каспарову, мат, в комнату вбежал радостный фельдфебель со свернутыми картами в руках.

– Вам мат! – объявил я.

– К стенке! – коротко скомандовал офицер.

Я подчинился. Офицер разложил карты на столе, выбрал нужную, потом подбежал к календарю.

– Ну что, вашеродие? – взволнованно спросил фельдфебель.

– Через четыре дня погибнем, – покачал головой офицер.

Фельдфебель сглотнул слюну, покосился в мою сторону.

– Этого прикончим? – спросил.

Офицер окинул меня взглядом.

Неожиданно послышалось пипиканье радиоточки, сообщающей точное время. Белогвардейцы вслушались. Пришло сообщение из Москвы о том, что отложенная партия между Карповым и Каспаровым была доиграна. Победил Каспаров. Офицер чертыхнулся.

– Опять неудача! – прошипел он сквозь зубы. – Выигравшие проигрывают!

– Живи! – крикнул он мне. – Живи и помни, как ты выиграл проигранную партию! Эх!!!

По коням!

Белогвардейцы выбежали во двор.

Офицер медлил. Казалось, он не хотел уходить.

– А что там, за границей? – наконец решился спросить я.

Он удивленно оглянулся. Потом ответил: «Война!»

– Какая?

– Гражданская...

– А как же граница?

– Граница?! – ухмыльнулся офицер. – Граница не государственная, а временная. Ну, все, живи себе! И наведи здесь порядок! Прощай!

Он вышел во двор. Кони заржали, и вскоре снова стало тихо.

Я помыл полы, сложил все по местам. Карты свернул и отнес в каптерку, из которой их вытащил фельдфебель, а потом сел на свою койку и никак не мог решить: докладывать капитану о нападении на заставу или не докладывать.

2

Вскоре после нападения на заставу седому капитану пришел секретный пакет. Капитан заперся у себя и долго не выходил.

Мы впятером сидели в большой комнате-казарме и с грустью глядели на отрывной календарь, ожидая, когда же наконец оторвется очередной листок с очередной датой «11 декабря 1985 года среда».

Дверь из кабинета распахнулась – вышел капитан, мрачный и без фуражки. В беспорядке торчали седые волосы.

– Хреновые вести, – почти шепотом произнес он. – Одному из вас придется заступать на дежурство в спецточке.

Все, кроме меня, побледнели, сникли и устали в пол.

– А ты что, не боишься? – капитан посмотрел на меня.

– Никак нет! – отчеканил я, не понимая, как можно бояться того, что тебе неизвестно.

– Что ж, – вздохнул седой, – тогда пойдешь ты.

Солдаты покосились в мою сторону, посмотрели, как на обреченного больного, с сочувствием и жалостью.

– Иди пока, отдыхай! – приказал капитан.

На следующий день командир, приказав следовать за ним, повел меня в лес. В вещмешке я тащил трехдневный паек на двоих, спички и прочую мелочь.

Капитан ориентировался по черточкам, нанесенным смолой на самые крупные валуны. Когда стемнело – оказалось, что эти черточки светятся.

Видно, в смолу был подмешан фосфор.

Мы шли почти три дня. Я несколько раз спотыкался и сильно расшиб правую ногу.

– Ничего, – подбадривал меня седой капитан. – Терпи, дальше хуже будет!

После этих слов идти становилось немного легче.

Наконец мы выбрались на квадратную поляну, размеченную валунами по краям. В центре была вырыта яма глубиной метра три, а из нее торчал длинный, слегка наклоненный ствол.

– Вот она, спецточка! – скривив губы, нехорошо произнес командир.

– Пушка? – я кивнул в сторону ствола.

– Особая дальнобойная на стационарном прицеле.

– А почему на стационарном?

– Цель давно уже известна, поэтому и прицел закреплен намертво. Раз в неделю будешь стрелять.

– Куда? – поинтересовался я.

– Это не твое дело. Ты должен знать, из чего стрелять. В данном случае – из этой пушки. Вопросы есть?

– Так точно!

– Спрашивай!

– Эта цель на нашей стороне границы или на той?

– На той. Все. Тебе и этого знать не положено!

За одним из разметочных валунов виднелся вход в землянку; маленький сырой подвальныйчик. В углу стояла разборная деревянная кровать с выжженной на спинке датой «1914» и табуретка. Рядом выемка – холодильник для хранения продуктов.

– Там, под песком, месячный запас консервов. По банке на день. Под пушкой – бак с оружейным маслом. Каждое утро будешь ее смазывать. Раз в неделю к тебе будет приходить с другой заставы один сержант. Звать его то ли Войденко, то ли Бойтенко. Дерьмовый человек, но ты терпи! Не вытерпишь – можешь проучить, только смотри, чтоб без синяков! Понятно?

– Так точно!

– Ну, живи, солдат! Счастливо! – Капитан развернулся и не спеша направился в лес.

Сгущались сумерки. Я разложил кровать и улегся на нее, не снимая сапоги. Прикрыл глаза. Вспомнился белый офицер, так хотевший узнать день своей гибели. По моим подсчетам, его должны были убить позавчера. Грустно, когда русский убивает русского.

Спать не хотелось. Я открыл глаза и рот. Дышать носом уже не мог, сырость вызвала обострение гайморита. Вышел из землянки, сморкнулся на землю и утер нос рукавом гимнастерки. Решил осмотреть пушку.

Пушка меня не удивила. Не так много я их в своей жизни видел, чтобы уметь различать простую от особой дальнбойной.

Побродив с полчаса, я вернулся в землянку и заснул, накрывшись шинелью.

Следующим утром я проснулся на земляном полу. Рядом хохотал белобрысый сержант с удлинённым лошадиным лицом. Вероятно, это и был «то ли Бойтенко, то ли Войденко».

– Встать! – заорал он, прекратив смеяться.

Мне вдруг стало весело; ему на вид было лет шестнадцать, и голос писклявый – так кричат дети, когда у них отбирают любимую игрушку.

– Встать, быдло! – снова заорал он.

Я поднялся, подтянул ремень.

– Шагом... арш! – взвизгнул сержант.

Я дошел до стены и остановился.

– Я не приказывал останавливаться!

Я зашагал на месте.

– Упор лежя принять!

Солдатское дело нехитрое: приказали – выполняй.

Поизмывался он надо мной с часик, потом приказал ствол драить. Ствол уже блестел, когда сержант вылез из землянки с моим вещмешком в руках.

– Заряжай! – скомандовал он.

Я зарядил.

– Огонь!

Грохнуло так, что вокруг поляны затрещали падающие ветки. Сразу стало как-то не по себе. Черт его знает, где этот снаряд разорвется и кого убьет.

– Бегом марш! – снова скомандовал сержант.

Я застучал каблуками на одном месте.

– Отставить! Я из тебя сделаю солдата, быдло! – пообещал белобрысый.

«Это так же трудно, как из тебя сделать человека», – подумал я.

После ухода сержанта я обнаружил, что половина моего месячного запаса консервов бесследно пропала вместе с вещмешком. Печально, но что поделаешь.

Спать лег рано. Почти сразу после ухода вора в сержантских погонах. Ждал сна, но ничего не приснилось. Утром поднялся с заложенными ушами: словно в самолете приземлился. Пришлось глотать слюну до тех пор, пока не смог слышать собственный голос.

Наступила неделя бессержантского отдыха. Пушку я смазывал регулярно. По утрам бегал по полянке. Выходил в лес за грибами, но ни одного не нашел. Все-таки декабрь – не грибной месяц. Дни летели как капли дождя: шмяк об землю и нет. И вспомнить трудно, что я за тот или за этот день сделал. Все в бездну, все в пропасть. Каждый шаг, каждый жест забывался мгновенно.

Прошла неделя, и снова явился сержант. После усиленной физической подготовки, включая и отжимание в единственной на поляне луже, я понял, что он лишний на этой суровой земле.

Снова грохнул из пушки по той стороне границы.

Сержант, прихватив еще несколько банок консервов, приказал, чтоб к его следующему приходу поляна была расширена, а разметочные валуны были передвинуты на двадцать метров от центра каждый. Хорошенькое дельце! Самый маленький из них весил несколько тонн!

«Что ж, – решил я, – следующий твой приход – последний».

Целую неделю я перебирал мелкие валунчики, пока не нашел один серенький с удобными выемками для пальцев.

Сержант прибыл ровно в семь утра. Столкнул меня ногой с кровати и приказал встать.

Около часа я бегал на месте, высоко поднимая колени. Потом вышли на поляну.

– Почему не выполнен приказ? – сержант побагровел от злости, глянув на валуны.

– Не смог.

– В армии не существует «не смог»! Упор лежя принять!

Я нагнулся, схватил подготовленный камешек и с размаху всадил им по лошадиному лицу, целясь в висок.

Показалось, что лицо проломилось, как оконное стекло, в которое попал камень. Сержант опрокинулся на спину. Нос его был расплюсчен. Вообще валунчик сровнял все черты его лица. Остались лишь общие очертания лошадиного черепа.

«Видно, долго ты этого ждал», – подумалось мне.

Я оттащил труп метров на триста в лес, раздел его. Сапоги не взял, а одежду прихватил и вернулся на спецточку.

Х/б решил приспособить под ветошь для чистки оружия.

Через день труп на месте уже не было. Даже обглоданные кости не белели. Пропали и сапоги. Может, зверь потрудился, а может, и нет. Но хотелось думать, что зверь. Так спокойнее.

Несколько дней я ждал, когда наступит раскаяние, но так и не дождался. Более того, я почувствовал себя настолько правым, что смог бы, наверное, убивать этого сержанта по три раза в день: вместо завтрака, обеда и ужина. Но, по идее, за ним должны были прийти, его должны были разыскивать, и этого я действительно боялся.

Пушка была смазана, ствол – начищен. Спецточку я содержал в образцовом порядке. Наступил день стрельбы, но никто не пришел. Я долго бродил по поляне, раздумывая: стрелять или нет. И решил не стрелять.

Призовут к ответу – скажу, что сержант приказал без него огонь не открывать. Пусть его разыщут и спросят.

Непривычно спокойно прошел огневой день недели. День был спокойным, но вечером, сидя в землянке, я услышал какой-то шум. Выглянув, заметил фигуру человека, заглядывавшего в яму с пушкой. Враз вспомнив устав, схватил винтовку и выскочил на поляну.

– Руки вверх! – крикнул я.

Человек обернулся, спокойно поднял руки. Я подошел.

– Документы!

Он порылся в нагрудном кармане кителя и подал мне сложенный вчетверо лист бумаги. Я развернул.

«Предъявитель сего, штабс-капитан И. С. Бургасов командирится в распоряжение командующего 1-й Донской армии генерала А. Шкуро».

Я узнал офицера. Это он должен был погибнуть несколько дней назад.

– Так вы живы? – Я не смог сдержать удивления.

– Так точно, господин рядовой. Извините, это я, кажется, вам проиграл партию в шахматы? – Он, прищурившись, смотрел мне в глаза.

– Да, на заставе.

– Если я не ошибаюсь, эта партия была вашим последним желанием?

– Да, – кивнул я.

– Тогда выслушайте мое последнее желание.

– Я не собираюсь вас расстреливать. Говорите, если хотите...

– Я хотел бы сдвинуть прицел этой пушки.

– Зачем?

– Вы понимаете, в чем дело. Раз в неделю она стреляет по железнодорожной станции Максатиха и попадает в состав. Но ведь по рельсам не только военные эшелоны ходят. На прошлой неделе снаряд попал в санитарный поезд. Не стану вам рассказывать, что там было. Я понимаю, что на войне гибнут не только военные...

У меня закружилась голова. Я попал в санитарный поезд?! Я, который никакого отношения не имел к гражданской войне, который и родился-то после первого полета в космос. Я согласен ответить за убийство сержанта. Мне легко объяснить, за что я его убил. Но как мне ответить за пушечную стрельбу?!

– Что ж вы молчите? – негромко спросил офицер. – Вы выполните мое последнее желание?

Я не знал, что ответить. Я слишком многого не знал. Я даже не знал, кто у кого в гостях: я у штабс-капитана Бургасова или он у меня.

– Надо подумать... – с трудом выдавил из себя я.

– Но ведь вы не выстрелили сегодня!

– Это слишком разные вещи: не выстрелить и сдвинуть прицел.

Тут я заметил, что на Бургасове сержантские сапоги. Почему-то на душе стало легче, даже не смог сдержать улыбки.

Штабс-капитан перехватил мой взгляд, тоже довольно посмотрел на свои сапоги и потопал несколько раз на месте, желая, должно быть, показать, что они ему впору.

Я промолчал. Промолчал и он. Возникло впечатление, будто убитый сержант, а точнее, не он сам, а его сапоги, нас сблизили и породнили.

– В моей роте вчера один солдат фельдфебеля на штык насадил, – заговорил Бургасов. – Дерьмовый фельдфебель, может, вы его помните: низенький, вихрастый. Перестарался в своем рвении сделать из людей солдат.

Я кивнул. Было ясно, что он меня не осуждает.

Ночевали мы с Бургасовым в землянке на одной кровати. Во сне он разговаривал сам с собой. Говорил громко и внятно. О каких-то неотправленных письмах, о том, что никогда не покинет Россию, об умершей матери.

Утром я все-таки позволил ему сдвинуть прицел.

– Благодарю, – сухо произнес Бургасов. – Это благородно.

Я пожал плечами.

– Ну, прощайте! – протянул руку штабс-капитан.

– В распоряжение 1-й Донской? – спросил я.

– Какая к черту Донская! Убьют меня завтра!

Я крепко пожал протянутую руку.

– Если случится встретить кого-нибудь из Бургасовых, что родом из Екатеринодара, расскажите им про мою гибель.

– Хорошо, – пообещал я, думая о том, что и города такого давно уже нет, и как расскажешь о том, чего не видел.

Бургасов грустно улыбнулся и затопал в сержантских сапогах туда, куда был нацелен ствол особой дальнбойной пушки с новым стационарным прицелом.

3

Последующие три недели моего пребывания на спецточке пронеслись невероятно быстро. Погода стояла солнечная, хотя выпадавшая под утро обильная роса и создавала впечатление вечной сырости. Не верилось, что такие теплые погоды могли держаться в столь северных местах в самый разгар календарной зимы.

После ухода белого офицера я несколько дней провел в тягостном бездельи, результатом чего оказалось мое халатное отношение к доверенному мне особому дальнобойному длинноствольному и т. д. оружию уже со сдвинутым прицелом.

Некоторое время я, конечно, сомневался, мучался, не будучи способным одним твердым решением поставить все на свои места. Я имею в виду то, что я не хотел стрелять, даже несмотря на то, что снаряд теперь уже никак не мог попасть в санитарный или другой поезд на станции Максатиха. В оправдание мое послужила одна идея: ведь прицел старый изменял не кто иной, как белый офицер. Следовательно, он мог не просто сдвинуть его, а переставить таким образом, чтобы следующие снаряды падали бы уже на какую-нибудь нашу станцию, попадали бы в наши санитарные и другие составы.

Размышляя так, я испытывал некоторые угрызения совести по отношению к офицеру – ведь он вызывал у меня искреннюю симпатию и думать о нем плохо было как-то неудобно. В конце концов я решил, что эта идея – просто выдумка, сочиненная в мое оправдание на самый крайний случай. Мысленно я даже извинился перед офицером за то, что позволил себе так подумать. Хотел во всем остаться честным и порядочным. Как-никак врагом я его не считал.

Следующие три недели пронеслись невероятно быстро. Думаю, что даже ствол пушки не поржавел, несмотря на сырость и на то, что после прощания со штабс-капитаном я его больше не смазывал и не чистил. Очень хотелось верить, что спецточка сразу после моего отбытия придет в упадок и прекратит свое существование в различных приказах, отчетах о военных действиях и других бумагах, по которым сюда отпускаются снаряды и прочее.

Так вот, в канун наступления четвертой недели, глубокой ночью меня разбудил свист, доносившийся снаружи. Кто-то спокойно насвистывал мелодию «Тореадора». Несколько озадаченный и напуганный, я выглянул из своего обиталища.

«Может, это новый сержант?!» – промелькнула самая неприятная мысль.

– Стой! Кто идет! – крикнул я.

– А! Вот ты где! – голос показался знакомым. – А я думал, что ты сбежал куда-нибудь.

– Кто там? – Я попытался увидеть сквозь темноту лицо ночного гостя.

– Меня за тобой капитан прислал. Приказал забрать тебя на заставу. На днях сюда придет другая смена.

Я вышел из своего убежища и приблизился к солдату. Да, это был один из пограничников, тот, что подарил мне шахматы.

Я спешно собрался, покидал свой немногочисленный багаж в вещмешок пограничника и направился следом за ним. Хотелось оглянуться на прощанье, посмотреть на ствол, торчащий из ямы, на разметочные валуны. Но что-то сдержало меня.

Вот если бы доказать себе, что никакой спецточки не было, что я никого не убивал и никуда не стрелял. Легкое ли дело?! Других убедить – это не так сложно, а вот себя...

– Что там на заставе?! – желая отвлечься от малоприятных размышлений, спросил я.

– Все по-старому, – ответил солдат. – Там для тебя у капитана какие-то новости, но какие – не знаю.

Возвращались мы на заставу той же дорогой, ориентируясь по фосфорическим меткам на валунах, но, на удивление, вся дорога заняла у нас не три дня, а чуть более суток.

С наступлением утра идти стало намного легче, только от воздуха, пропитанного сыростью, першило в горле.

На заставу мы прибыли около полуночи. Свет в окнах не горел. Мы тихо вошли и сбросили с себя грязные х/б.

Утро наступило рано. Я проснулся от шума, с которым поднимались другие солдаты.

В комнату-казарму вошел капитан, проводя ладонью по только что выбритым щекам.

– Отлично, ты уже здесь! – он радостно улыбнулся. – Вставай, приводи себя в порядок и давай ко мне!

Для того чтобы привести себя в порядок, понадобилось бы, по моим подсчетам, четыре краткосрочных отпуска по десять суток каждый.

Быстро одевшись и умывшись, я зашел к капитану.

– Ну как? – Он пристально посмотрел на меня уже без улыбки. – Настрелялся?

– Так точно, – кивнул я с грустью. – Настрелялся.

– Я все прекрасно понимаю, но не мог же я послать туда своих родных солдат, с которыми уже давно... Впрочем, чего это я оправдываюсь?! Слушай! Есть для тебя новое задание. Легкое и, можно сказать, даже приятное. Ведь скоро праздники...

Я вдруг понял, что за время пребывания на спецточке полностью оторвался от гражданского календаря.

– Какие праздники? – спросил я.

Капитан не ответил. Он поправил прядь волос, сползшую на висок, прокашлялся и продолжил:

– Праздники, как ты понимаешь, надо чтить и отмечать. Короче говоря, пойдешь за наградами для нашего личного состава, кстати, и для себя тоже.

Я расслабился. Такая цель командировки меня вполне устраивала.

– Награды подберешь под свой вкус. Можешь взять и впрок. На месте сориентируешься! Вот тебе гарантийное письмо, предписание и компас.

– А компас зачем?

– В этот раз пойдешь без провожатого. У нас здесь стало беспокойно. Я тебе карту дам, сам выйдешь. Если попросят там помочь в чем-нибудь – не отказывайся! Понятно?

– Так точно.

– Вот карта, – седой капитан протянул мне раскрытый планшет, – тут все указано. Разберешься. Даю тебе четыре дня. Вопросы есть?

– Никак нет! – по привычке гаркнул я, уже привыкнув оставлять все возникающие вопросы неразрешенными.

– Ну все, – по-отечески произнес он. – В путь, товарищ солдат!

Путь к отмеченному на карте месту оказался близким. На удивление легко было идти по компасу, сверяя направление по дрожащей стрелке. Все эти движения по азимутам, когда мне объясняли принципы ориентировки по компасу теоретически, казались мне дремучим лесом. На практике же все было намного проще.

Через день я вышел на окраину нужного мне населенного пункта под несколько странным названием Исильдорф-Поповка. Для села он был слишком маленьким, для хутора – чуть великоватым. Обойдя его за десять минут прогулочным шагом, я все-таки решил, что это село. Из шести одноэтажных зданий, составлявших весь этот Исильдорф, только два были жилые. Четыре других напоминали или склады, или мастерские. Побродив еще с полчаса, я поступался в один из жилых домов.

Дверь открыл рыжеволосый мужчина маленького роста. Усеянное веснушками лицо вежливо улыбнулось мне.

– Вот... – не зная, с чего начать, я протянул рыжеволосому письмо и предписание.

– Та-а, – прочитав, сказал он, доброжелательно уставившись мне в глаза. – Тавненько вы у нас не были. У вас что там, все тихо?!

– Да, все в порядке... – пожал плечами я. – Как будто тихо.

– Тихо... – мужчина почесал за ухом. – Латно, а вас претупреждали, что притется немного помочь?

– Предупреждали. Могу хоть сейчас...

– Сейчас не нато, чуть позже, – перебил рыжеволосый. – Прохотите!

Он посторонился и я прошел в дом.

– Направо, прошу направо, – рукой указывал хозяин.

Я очутился в просторной комнате. На одной из стен висел темный ковер, на котором стройными рядами располагались ордена и медали, а солнечные лучи, падавшие сквозь окно, заставляли их блестеть и пускать блики.

Почувствовав на плече руку хозяина, я обернулся.

– Нравится? – спросил он.

– Конечно. Вы, наверно, очень богаты!

Мужчина скромно пожал плечами. Рот его расплылся в довольной улыбке.

– Как вам сказать. Просто много клиентов. Вот, говорят, что от войны богатеют фабриканты оружия. Честно говоря, я против войны, я за мирное сосуществование всех армий. Хотя не скрою, во время войны мои тохоты увеличиваются, но и в так называемое мирное время я не страаю.

Поток красноречия хозяина несколько смутил меня.

– А чем вы, собственно, занимаетесь?

– А вы за чем сюта пришли? – вопросом на вопрос ответил он.

– За наградами.

– Вот этим я и занимаюсь. Тут у меня центр метально-ортенской промышленности.

Честно говоря, эти шесть хибарок были похожи на все, что угодно, но только не на центр какой бы то ни было промышленности. Видно, я не смог убрать саркастическую улыбку, выскочившую на моем лице произвольно, как прыщ.

– Вы совершенно зря смеетесь! – обиженно сказал рыжеволосый. – Тля моей промышленности не нужны ни заводы, ни комплексы. У меня, та бутет вам известно, все заготовлено на лет тватцать вперет, таже новые образцы!

Латно, говорите, что вам нато.

– Ну, медалей надо... – я запнулся, – военных...

– Выбирайте. Вот традиционные: «За храбрость», «За мужество». Такие у меня тля всех армий есть. Вот тругой вариант: «За внутреннее мужество 2-й степени», «За показательное усердие», смотрите сами!

Я внимательно проинспектировал весь предоставленный выбор и остановился на трех медалях: «За любовь к командиру 1-й степени», «За потенциальную самоотверженность» и «За подавление личных чувств ради общего дела». Последнюю я выбрал для себя.

– Вот эти! – сказал я хозяину. – Первого и второго названия по четыре штуки и одну третьего.

– А что, убитых у вас нет?

– Почему вы спрашиваете?

– А почему вы ортенов не берете?

– А при чем тут ордена к убитым?! – Я озадаченно глянул на рыжего.

– Как это, при чем?! Метали для раненых, ортена – тля убитых. Все толжно быть по справетливости.

Тут настал мой черед почесать за ухом.

– А если я сам ранил или убил – чем тогда меня награждать? – спросил я.

– Я бы ничем не награштал. Стрелять каштый может. А убийство – это плохо.

– Но ведь если идет война, значит, люди убивают друг друга!

– Можно и не убивать! – уверенно произнес хозяин. – Тут неталеко тоже итет война. И без всякого кровопролития. Просто воюющие стороны по тоговоренности стреляют труг в труга холостыми, солтаты, согласно графику, считаются то ранеными, то убитыми, и награштают их как настоящих раненых и убитых. Это очень гуманно...

Я пожал плечами. О войне такого рода слышать мне еще не приходилось.

– Латно. Итемте. Помощете немношко.

Мы вдвоем вышли из дома и прошли к зданию, напоминавшему склад или мастерские. Зашли внутрь. Рыжеволосый включил свет. Я осмотрелся.

Под стенами в несколько рядов стояли массивные ящики, а в центре переливалась красками и сверкала куча орденов и медалей.

– Нато посортировать, – хозяин указал взглядом на кучу. – Несколько ящиков поломалось и все перемешалось, понимаете... Там посмотрите, если метали и ортена на немецком языке, то их вон тут, в правый угол. Если на английском – то в левый, а русские по тем трем ящикам, что пот тальней стеной стоят. Витите, они открытые. Только не перепутайте ваши русские с тругими русскими.

Я опустил на корточки и сгреб пригоршню блестящего металла. Перед глазами замелькали знакомые по учебнику истории лица. Екатерина, кайзер Вильгельм, Александр Невский и его недавний преемник с гордым взглядом и жесткими усами. А сколько незнакомых лиц!

Предварительно я стал раскладывать награды по пяти кучкам рядом с собой.

Дверь на улицу отворилась, и на пороге появился незнакомый мужчина с седыми усами.

– День добрый! – Он поклонился. – Я в помощь прислан. Тоже, видать, по такому же делу, что и вы, пришел. За крестиками-медальками.

Он подошел ближе, ознакомился с содержанием пяти кучек, насыпанных мною. Присел с другого края и тоже стал копаться в наградах, время от времени поднимаясь и добавляя в мои кучки позвякивающие серебряные, бронзовые медали и ордена.

– А что-то я вас здесь раньше не видал, – после долгого молчания сказал он. – Меня Ерофеичем кликать.

– Я здесь первый раз... – словно оправдываясь, промямлил я.

– А-а, то-то и оно, – мужик понимающе кивнул. – А я уже раз двадцать сюда захаживал. У нас командир щедрый – каждую недельку чтой-нибудь к груди прицеп ляет. Я уж шесть Георгиев своей старухе отослал, чтоб внучатам чем играть было. А у меня еще шесть осталось. А на что их так много?! Ну три али четыре – еще куды ни шло – красиво на груди. А коли больше, то вы литый адиот выходит. А вы сами-то откель будете?

– Застава у нас...

– Казачья? – оживился мужик.

– Нет, пограничная.

Ерофеич недоуменно пожал плечами.

– А я тут давеча одного немчуру встретил – чуть не прибил! – продолжил он. – Все-таки негоже это: и нам, и тем, кто супротив нас, из одного серебра кресты лить. Он тоже тогда много набрал, мешок почти! Видать, не только у нас командиры-то щедрые! Но все равно как-то нехорошо. Там мы друг другу животы штыками пропарываем, а тут у этого литовца рыжего бок о бок крестики-медальки набираем. Я с ним потом покурил, лясы поточил малость. Он тоже из малоземельных оказался, и жена тож есть, и хозяйство какое-никакое. Что-то, конечно, во всем этом не так, но пока что убивать их надобно, а то ведь и крестиков-медалек этих не получишь, а еще, хуже того, они тебя пришепнут. Подождать надо, пока цари помиряются, а до того времени надобно их убивать. У вас там тоже небось убивают?

– Нет, – ответил я. – У нас тихо.

– Обманная эта тишь! Там, где с виду тихо, там еще больше убивают! – уверенно сказал мужик, прихватил двумя руками здоровую пригоршню наград и с усердием стал их раскладывать.

Вечером пришел хозяин, тот, кого мужик назвал рыжим литовцем.

– Вы уже можете заканчивать, – сказал он мне. – Слишком мало берете.

Мы снова прошли в его дом. Выпили чаю с медом, по чарке домашней вишневой наливки.

– Вот ваши, – вручил он мне небольшой бумажный пакет. – А этот орден в потарок примите, от меня на память. Это мой любимый!

Я начал было вежливо отказываться, но хозяин за долю секунды прицепил его к моей гимнастерке.

– Это хороший орден, – словно успокаивая меня, сказал он. – Всякое веть может случиться.

«Смерть пережившим почет и свобода», – прочитал я слова на ордене, выбитые под серебряным букетом, состоящим из доброго десятка государственных флагов крупных держав.

– Не беспокойтесь, он не вражеский, он для всех потхотит! Прихотите чаще, я вам новые образцы покажу, вам понравятся!

Пройдя мимо перечеркнутого указателя названия этого странного населенного пункта, я свернул на лесную дорогу и уже без компаса, по памяти, смело зашагал в сторону заставы. На этот раз задание мое было легким и приятным. Один только осадок остался, въелись в мысли слова рыжего литовца: «Раненым – медали, убитым – ордена. Все должно быть по справедливости». Въелись-то они въелись и из головы никак не шли, но понять смысл сказанного я никак не мог. То есть смысл-то был ясен, но что-то за этими словами еще было, а вот что? Может, со временем и пойму.

Видно, не стал я еще солдатом, ведь если б стал, то и мыслей таких не возникло бы.

4

Я шел на заставу. В кармане лежали аккуратно упакованные медали, а на гимнастерке блестел подаренный орден.

Вот уж странно: раньше я полагал, что награды существуют только для награждения. А оказывается, что и героем быть необязательно. Вот ведь взял рыжий литовец и орден мне подарил. А со стороны кто скажет, что этот орден подаренный? Гимнастерка настоящая, стало быть, и орден на ней заслуженный. А что, если прав литовец, и не стоят эти регалии из золота и серебра человеческой жизни, крови, самопожертвования. Ведь не за них люди воюют, а за нечто высшее, за Родину, за Сталина.

Свернув на малоприметную тропинку, я сверил по компасу свой путь. С дороги не сбился. Можно идти дальше.

Тропинка петляла, пряталась, пыталась улизнуть из-под ног. По ней, видимо, давно не ходили.

Заброшенные тропы не любят, когда о них вспоминают.

– Стой! Руки вверх! – Сбоку из-за дерева выглянуло дуло нагана.

Я остановился, поднял руки. Сопротивляться было бесполезно, тем более, что я был без оружия.

Из-за дерева вышел изможденный мужчина. Лицо в кровоподтеках. Кожаная куртка замазана кровью.

– Откуда? Кто? – Он подошел ближе.

– С погранзаставы, – ответил я.

– Красной?

– Да.

– Опустите руки, – мужчина облегченно вздохнул.

Я заметил, что наган он держит в левой руке.

– Комиссар Ижев, – он протянул мне руку с наганом.

Я пожал запястье.

– Уж и не думал наших встретить. Побег – это еще не спасенье.

– А откуда вы бежали?

– Из белой контрразведки, со станции Максатихи.

– Максатихи?! – Название станции показалось мне чертовски знакомым.

– Да. Там у белых временный штаб. Какой-то шальной снаряд попал прямо в состав боеприпасами. От станции одни рельсы покореженные остались. На соседних путях ихний санитарный стоял, так, наверно, с полчаса после взрыва по ветру бинтики кружились. Здорово их бомбануло!

– Это в четверг было?

– Да, – кивнул комиссар. – Суматоха сразу поднялась. Половина беляков сразу в лес драпанула – подумали, что наши наступают. Мы в подвале сидели. Вдруг дверь открывается и юнкеришка кричит: «Бы стрее в лес уходите! Скажете, что Несмогов вам спастись помог!» Я бы этого юнкеришку на месте прихлопнул! Но сначала капитана б ихнего. Вот сволочь из сволочей!

Неожиданно комиссар сцепил зубы и прижал руку с наганом к правому предплечью.

– Вы ранены?

– У-гу... Наши далеко?

– Не очень.

– Дорогу знаешь?

– Конечно.

– Пошли.

Мы шли медленно. Комиссар то и дело останавливался, оглядывался назад, прислушивался.

– Здесь никого нет! – успокоил его я.

– Нельзя терять классовое чутье и бдительность!

Вдруг он остановился, сошел с тропинки и лег за кустом орешника.

– Живо сюда! – выпалил он скороговоркой.

Я прижался к земле рядом с комиссаром. Было тихо, только ветки потрескивали на ветру.

– Никого же нет? – прошептал я.

– Никого?! – Он ехидно скривил губы.

Я напряг слух. С левой стороны действительно надвигался какой-то невнятный шум. Потом раздалось ржание коней.

Где-то недалеко запели песню. Несколько зычных глоток. Пели они не под шаг.

– Казаки! – шепнул комиссар.

...Из-за лесу блещут копия мечей.

Это сотня казаков-лихачей.

Э-ге-гей! Жги! Коли! Руби!

Это сотня казаков-лихачей.

Комиссар ловил языком травинку, щекотавшую ему нос. Он смотрел на нее с такой ненавистью, словно в этой травинке видел всех своих прошлых и будущих врагов. А казаки задиристо продолжали.

...Впереди наш командир удалой,

Он командовал: «Робя-аты, все за мной!»

Э-ге-гей эгей! Жги! Коли! Руби!

Он командовал: «Робя-аты, все за мной!»

Комиссару наконец удалось поймать ртом травинку. Он подтянул ее языком к зубам, потом прикусил ее и чуть-чуть приподнял голову. Травинка натянулась, как струна, но не отры-

валась. Тогда он еще выше приподнял голову. По травинке на землю сбежала капелька крови. Ижев дотронулся пальцем до рта. Палец был в крови. Травинка резанула нижнюю губу по самой середке. Комиссар чертыхнулся, сплюнул кровью. Отпущенная травинка, обмякшая и вялая, легла на землю. А песня еще продолжалась, но теперь она не приближалась, а уже отдалялась от того места, где мы прятались.

...Ня баимся мы ня пуль и ня снаряд,
Разобьем мы весь буден-носский отряд!
Э-ге-гей эгей! Жги! Коли! Руби!
Разобьем мы весь буден-носский отряд!

Песня затихла. Казаки пересекли наш путь где-то метрах в пятидесяти от нас, но из-за густого кустарника и деревьев мы их не увидели. Только конское ржание, песня и топот копыт.

– У, гады! – прохрипел комиссар, сжимая наган. – Будь они поближе, попели бы у меня на том свете! Штук пять бы уложил, а там уже и погибать не жаль!

– Бессмысленно, – сказал я негромко. – Мы правильно сделали. Лучше сейчас их отпустить, а потом, когда нас будет больше, разбить их наголову.

– Потом?! – Ижев посмотрел на меня с недоверием. – Откуда тебе знать, что потом будет? А если они поскакали, чтобы село сжечь или расправу произвести?!

Я промолчал.

– Сам-то с орденом. Стало быть, не трус, а такое говоришь! – сказал он уже мягче. – Ну, вставай. Пойдем. Далеко они уже.

Мы снова вышли на тропинку и продолжили свой путь.

Застава встретила нас неласково. Окна разбиты, на полу разломанные кровати, доски. Ощущение такое, будто черносотенцы погром учинили.

Солдаты играли в шахматы. Седой капитан просматривал карты военных действий.

Комиссар, ступая по битым стеклам, подошел к капитану и представился.

Капитан кивнул, не отрывая взгляда от карт.

– Казаки? – Ижев рассматривал последствия погрома.

Капитан пожал плечами.

– Нас здесь не было, – ответил он, не глядя на комиссара. – Уходили на ученья.

– А что ж они в бирюльки играют! К бою готовиться надо! – возмутился Ижев. – А если снова атака будет?!

– По распорядку дня сейчас личное время и никакой атаки быть не может, – холодно произнес наш командир.

– Да вас под суд надо, под трибунал! Или даже без суда и следствия по законам военного времени! – Голос комиссара сорвался на хрип. – Сначала войну выиграть надо, а потом уже в эти буржуйские игры играть!

Капитан отложил карты и хмуро уставился на Ижева.

– Война, товарищ комиссар, – он четко выговаривал каждую букву, – это не временное явление, а перманентное состояние.

– Я знаю это слово, – Ижев почему-то улыбнулся. – А что же русско-японская, русско-турецкая? Все еще продолжают?

– Прошло время отдельных войн. Давно прошло.

– Вы – враг народа!

– Не бросайтесь такими высокими, но устаревшими словами. Я выполняю свой долг, подчиняюсь установленному порядку и исходя из боевой обстановки.

В комнату вбежал солдат.

– Товарищ капитан! Разрешите доложить! В нашу сторону движется неприятель. От просеки.

Капитан взял со стола бинокль и жестом пригласил комиссара следовать за ним. Они забрались на крышу заставы. Вместе с ними поднялся и солдат, доложивший о приближении неприятеля.

– Забавно! – сказал капитан, не отрываясь от бинокля. – Такого я еще не видел.

– Что там? – нетерпеливо спросил комиссар.

Капитан передал ему бинокль.

– Генералы?! – вырвалось у Ижева.

В сторону заставы стройными рядами в походной колонне шагали генералы.

– Форма какая-то незнакомая! – констатировал Ижев. – Может, интервенты?!

– Вы лучше посмотрите, кто их в атаку ведет!

– Не может быть! Ефрейтор?!

– Да, ефрейтор, судя по погонам. Красиво шагают.

– Надо готовиться к бою! – требовательно произнес комиссар.

– Зачем?! Они же не вооружены. Только ефрейтор с пистолетом.

– Что же вы собираетесь делать?! – удивленно воскликнул Ижев.

– Пресечем атаку.

– Как?

– Сбегай за снайперской винтовкой и живо сюда! – приказал капитан солдату.

Солдат быстро исполнил приказание.

– Целься в ефрейтора!

Капитан поднес бинокль к глазам.

– Стреляй!

Винтовка дернулась, словно хотела вырваться из рук солдата.

– Молодец! Будешь награжден!

Генералы остановились в нерешительности. Несколько человек из первой шеренги подошли к лежащему ефрейтору, посовещались. Один из них поднял с земли пистолет и, обернувшись к остальным генералам, что-то сказал. По рядам пробежало то ли волнение, то ли возмущение. Шеренги нарушились.

Генералы развернулись и уже сами по себе, гурьбой зашагали назад.

– Вот вам и вся атака! – усмехнулся капитан.

– Здесь что-то не так, – комиссар насупился, глянув в сторону просеки. – Они наверняка вернутся. Это маневр.

– Может быть, и вернутся, – спокойно сказал капитан. – А пока можем спуститься на землю и выпить чайку.

В комнате по-прежнему играли в шахматы. Я внимательно наблюдал за партией. Честно говоря, игра шла вяло и неинтересно. Никаких неожиданностей. Сплошные Е-2 – Е-4.

– Что это за карты?! – спросил Ижев, присаживаясь за стол. – О, у вас такие данные?! Отлично работает разведка!

– Нам разведка не нужна, – бросил капитан.

Ижев непонимающе посмотрел на него.

– А мне кажется, что вы знали об этой атаке заранее! – Выражение лица комиссара мгновенно изменилось, он с хитрецей улыбнулся.

– Сегодня не должно было быть атаки, – вздохнул капитан.

Снова вбежал солдат, дежуривший на крыше.

– Товарищ капитан! Они снова идут!

– А я говорил, – Ижев довольно усмехнулся.

– За мной! – приказал мне командир, поднимаясь из-за стола.

Вчетвером мы залезли на крышу. Капитан внимательно смотрел в бинокль, комиссар нетерпеливо ерзал рядом с ним, а снайпер протирал прицел.

– То же самое, только без ефрейтора, – сказал капитан.

Ижев выхватил бинокль и жадно, словно флягу ко рту, поднес его к глазам.

– Сколько генералов сами идут к нам в руки! – Его голос задрожал от азарта.

– И что же вы с ними будете делать? – любопытствовал капитан.

– Надо применить боевую хитрость, подпустить их поближе и всех до одного, гадов!

– Какую хитрость?

– Мы вывесим белый флаг, – комиссар опустил руку с биноклем. – Они подойдут сюда, решив, что мы сдаемся. И тут их из пулемета...

– Но это же не честно! – Капитан скривил губы. – Белый флаг?

– Они нас тоже так обманывали! – В глазах комиссара застыла жестокость.

– А может быть, вы и правы. Солдат, спустись вниз, нацепи наволочку на какой-нибудь шест и назад!

Снайпер, оставив винтовку, побежал исполнять приказ. Через пару минут он уже размахивал импровизированным белым флагом. Капитан и комиссар по очереди смотрели в бинокль, негромко переговариваясь.

– Отставить! – вдруг резко выкрикнул капитан.

Снайпер, испуганно обернувшись, опустил шест с наволочкой.

– Ну, а теперь что делать? – Капитан обернулся к Ижеву.

Комиссар вздохнул.

– Вы, конечно, не ожидали, что, увидев белый флаг, эти генералы прокричат свое «ура!!!» и, с радостью поздравляя друг друга, повернут назад?!

– Может, это ловушка?! – предположил Ижев.

– Вы, я вижу, во всем или хитрости усматриваете, или ловушки!

– Они еще могут вернуться.

– Вряд ли! – сказал капитан. – Морально они победили.

Комиссар чувствовал себя неловко, мрачно поглядывал на солдат и их командира.

– Я назад пойду! – наконец выговорил он.

– Зачем?! Оставайтесь! – равнодушно предложил капитан. – Здесь безопаснее. А там вас могут убить...

– Пока не истребим всех врагов, я нигде не останусь! – твердо сказал Ижев.

– Покажите товарищу комиссару дорогу! – приказал мне командир.

Я вывел комиссара на тропу, ведущую к рыжему литовцу, и вернулся на заставу.

Солдаты занимались уборкой. Стекла и обломки кроватей были собраны посередине комнаты. Капитан сидел за столом и уныло водил карандашом по карте военных действий.

– Этим картам нельзя верить, – пробурчал он себе под нос. – Все они врут! Вот так и доверяй истории, пока в спину тебе не стрельнут в самое мирное время...

Солдаты переглянулись.

Капитан встал из-за стола, послал снайпера снова дежурить на крышу, а сам заперся у себя в кабинете.

Посреди ночи в комнате-казарме загорелся свет. Я проснулся и увидел в дверях капитана и снайпера. Оба выглядели очень уставшими.

– Подъем! – скомандовал командир.

– Почему ночью?! – недовольно заворчал солдат, спавший у разбитого окна.

– Отставить разговоры! В ружье!!!

Мы выскочили в темноту и разобрались по росту.

– В районе заставы обнаружен одиночный неприятель. Приказываю прочесать местность и обезвредить его.

С автоматами в руках мы рассыпались по окружавшему заставу лесу. Я стукнулся лбом о дерево и остановился... Мрак плотной завесой все заслонял от моих глаз. Потоптавшись на месте, высмотрел тусклый огонек и направился в его сторону... Когда огонек превратился в единственный фонарный столб на территории заставы, я присел на приземистый валун и решил переждать поиски одиночного неприятеля.

– Вот он! Сюда! – раздались крики солдат.

Пришлось подняться.

Солдаты выпихнули из леса какого-то человека в военной форме.

– Сюда ведите! – выглянул из домика капитан.

Неприятеля втокнули в комнату-казарму. Усилия, с которыми солдаты вели пленника, были явно излишними. Это был немощный старичок в генеральской форме. На дряблых щеках редкая седая щетина, глубоко запавшие глаза.

– Оружие есть? – строго спросил командир.

Старичок вытащил дрожащей рукой из кармана темные очки, горсть мелочи и допотопную авторучку.

– Кто вы, откуда и за кого воюете?

Генерал устало оглянулся. Словно искал, куда бы прилечь.

– Вы слышали вопрос? Кто вы? – повторил капитан.

– Я?! Я – бухгалтер из Праги...

– Кто?!

– Раньше был бухгалтером... – дребезжащим голосом ответил старик. – Потом путешествовал... был в Латинской Америке...

Капитан терял терпение.

– Вы участвовали вчера в нападении на нашу заставу?

– Вчера? Может быть... Я плохо помню... Да, мы вчера кого-то атаковали...

– Кто это «мы»?

– Хунта...

– Какая хунта?

– Обычная... военная.

– Почему вы атаковали нашу заставу?

– А мы всех атакуем... – невинно, по-детски произнес старик.

– Зачем?

– Уже так просто, без цели...

– А раньше какая была цель?

– Тогда было много целей... лет тридцать назад. Мы хотели власть захватить, – старик немного оживился, припоминая прошлое.

– Где? В какой стране? – пытался выяснить капитан.

– Нам все равно, в какой угодно. А какая же хунта без власти?! Разве что наша... Да если бы нам взвод рядовых или ефрейторов, мы б давно уже были у власти, и не пришлось бы стареть и умирать в неизвестных лесах, без родины, без родных и близких!

– Куда ушли остальные генералы вашей «хунты»? Почему вы остались один?

– Если бы они знали куда идти, я пошел бы с ними... Нас уже нет. Последнего ефрейтора, внука одного из генералов, убили вы. А я им еще лет пятнадцать назад говорил, что надо...

Старичок неожиданно замолчал, закрыл глаза и захрапел.

– Что-то многовато у нас гостей в последнее время, – задумчиво произнес капитан.

Утром командир вызвал меня к себе и приказал вывести старичка-генерала на дорогу, ведущую в ближайший город. Снова дал мне компас и карту.

Вот так, кажется, и должность у меня появилась, военная специальность – провожатый или сопровождающий. Неудобно и неопасно. Я был всем доволен. В каждом собеседнике

чувствовал потенциального попутчика: кто знает, вдруг мне прикажут вывести его на ту или другую дорогу.

Старичок был неразговорчив. Казалось, что он вот-вот остановится и заснет, прислонившись к какому-нибудь дереву. Идти было скучновато, но, как я думал, намного безопаснее, чем оставаться в это время на заставе. Все эти атаки и погромы меня обеспокоили. Теперь я бы вряд ли сказал кому-нибудь, что у нас на заставе тихо и мирно.

Впереди показался заросший мхом шлагбаум, некогда закрывавший железнодорожный переезд. Теперь за ним и рельс-то не было: только насыпь кое-где сохранилась.

– Всего доброго! – Я остановился у шлагбаума и протянул старичку руку на прощанье.

Он непонимающе посмотрел на меня.

– Дальше вы пойдете один. Так приказал капитан. Вот по этой дороге, за шлагбаумом.

Старичок хмыкнул что-то невразумительное и, не попрощавшись, потопал в указанном направлении.

Я облегченно вздохнул.

Назад можно было не спешить. Кто его знает, что ждет меня на заставе.

Я развернул карту, изменяя свой маршрут так, чтобы вернуться на место к вечеру, и свернул с тропинки.

Идя по лесу, я вышел на поляну, где горел костер, а на вертеле жарился кусок мяса. Рядом, улегшись на плащ-палатку, дремали двое белогвардейцев.

Услышав мои шаги, они проснулись. Один пристально глянул на меня и вскочил на ноги.

Я обомлел. Передо мной стоял живой штабс-капитан Бургасов.

– Вы живы? – вырвалось у меня.

– Как видите. И не только я. История слишком часто ошибается!

Во втором я узнал вихрастого фельдфебеля из казаков.

– И он жив, – с улыбочкой произнес штабс-капитан.

«Да, – подумал я. – Командир истории не доверяет, Бургасов считает, что она слишком часто ошибается... Хорошая штука история, если по ее ошибке человек остается жить, хотя должен был уже несколько раз погибнуть!»

– О чем задумались, господин солдат? – штабс-капитан присел у костра, протянул к пламени руки.

– Об истории, – сознался я.

– Бросьте, пустое это дело. Лучше мяса возьмите. Правда, подгорело немного. На огне жарилось, не на углях...

Мясо было жестким и невкусным, но из вежливости я его старательно разжевывал.

Штабс-капитан крутил в руках револьвер, уставившись на пламя.

– Вот и все, – он поднялся, отрешенно глядя на горящий костер, – пора прощаться, господин солдат.

– Вы уходите? – спросил я.

– Скорее, вы остаетесь, – дуло револьвера заглянуло мне в глаза. На мгновение показалось, будто черный глаз револьвера мне приветливо подмигнул.

– Вы что, серьезно?!

– Вы меня поймите. Я не могу вас так часто не убивать. Гуманизм гуманизмом, да и вы мне симпатичны. В другое время я бы с удовольствием играл с вами в шахматы в моем имении, но война, вы понимаете, война.

Я попробовал понять, но не успел. Резкий толчок в грудь свалил меня на землю. Рука инстинктивно зажала рану, и по пальцам заструилась теплая липкая кровь.

Дышать стало трудно. Воздух до боли теснил легкие. Я выдохнул его, и весь окружающий меня мир провалился в темноту.

Я был убит, хотя по отчетности и сводкам всего лишь пропал без вести.

Прошу прощения за вынужденную остановку в повествовании. Связана она, увы, с трагической гибелью главного героя, который сам и рассказывал о событиях, участником которых он был. Может быть, и следовало бы закончить на его гибели, но тогда история была бы явно не завершена. Поэтому я, как тайный свидетель описываемых событий, со свойственным погибшему герою беспристрастием, добавлю ко всему рассказанному лишь одну маленькую главку.

Эпилог

После того как герой пропал без вести, о чем сразу же было сообщено его родителям, как и о награждении пропавшего боевой наградой, события на заставе развивались следующим образом.

Спустя некоторое время на заставу прислали молоденького новобранца. Парень сразу всем понравился. Он отлично играл в шахматы, был исполнительным, улыбчивым, открытым и доброжелательным.

– У нас новости, – как-то сказал капитан. – Наш черед заступать дежурить в спецточке.

У всех, кроме молодого солдата, испортилось настроение. Возникла неприятная пауза.

– А ты что, не боишься? – обратился капитан к новенькому, сидевшему с беззаботной улыбкой на лице.

– Никак нет! – браво отчеканил солдат.

– Что ж, тогда пойдешь ты.

Тем же вечером, собрав вещмешок, они вдвоем с капитаном отправились на спецточку. Шли долго, почти трое суток. Ориентировались по черточкам, нанесенным смолой на крупные валуны.

Новенький с интересом разглядывал землянку, в которой ему предстояло жить, ржавый ствол пушки, выглядывавший из ямы.

– Тебе придется немало потрудиться! – сочувственно произнес капитан. – К четвергу ствол пушки должен блестеть и внутри, и снаружи. Думаю, успеешь. В четверг придет сержант. Смотри, чтобы все его приказы выполнял. Придет время, и мы сменим тебя. Ну, все, живи, солдат!

И капитан ушел.

Солдат нашел банку с оружейным маслом, достал инструмент и тут же уселся за работу. Почти двое суток не отходил он от доверенного ему длинноствольного дальнобойного орудия на стационарном прицеле.

В четверг утром солдат проснулся и заметил рядом с кроватью присевшего на корточки молоденького сержанта.

– Ну, вот вы и проснулись! С добрым утром! – обрадовался сержант. – Наверно, очень устали вчера. А я уже боялся, что до обеда ждать придется. Поднимайтесь, пожалуйста. Будем готовиться к исполнению приказа.

Солдат вскочил и оделся. Позавтракали они вместе, а к чаю сержант вытащил две булки.

– Как пушка? – спросил сержант, допивая чай.

– Начищена! – отчеканил солдат.

– Да я не об этом. Нравится?

– Конечно! – с готовностью ответил новобранец.

– Тогда пойдете, стрельнем!

Вышли из землянки. Зарядили.

Сержант внимательно и долго давал солдату полезные советы. Потом негромкоскомандовал:

– Огонь!

По лесу прокатилось гулкое эхо выстрела.

Сержант заторопился. Пожал руку. Сказал, что был очень рад познакомиться, и ушел до следующего четверга.

Солдат присел у пушки и закурил принесенную сержантом «Приму».

С самого начала служба на спецточке ему понравилась.

Заставы больше не было. Особая длинноствольная дальнобойная пушка на стационарном прицеле с первого выстрела поразила цель.

Дымились, догорая, обломки дома, под которыми были погребены погибшие смертью храбрых седой капитан и четверо его солдат.

Быстро зарастали малоприметные тропки вокруг заставы.

И каждый новый четверг тревожил память о погибших новым взрывом.

А где-то по рукам командования медленно брела, собирая нужные подписи, бумажка о присвоении капитану очередного воинского звания...

Форель à la нежность

Повесть (Из цикла «Старые тайны»)

1

– Поехали к Димычу!

С этого задорного выкрика несколько лет подряд начинались загулы их веселой компании в ресторане «Казанова». Заваливались они туда обычно к десяти вечера и перво-наперво проверяли, на месте ли шеф-повар в своем белом колпаке невероятной высоты. Говорили, что колпак каждое утро крахмалила его любовница Вера, которой на вид было лет двадцать пять, то есть была она примерно раза в два с половиной моложе и в столько же раз меньше телом, чем ее любимый повар. Иногда они ее тоже заставляли в ресторане – носила она мини-юбку и какую-нибудь обтягивающую яркую кофточку. Над ее естественно круглыми глазками нависали наклеенные удлиненные ресницы. Под слегка курносый носиком жила хитроватая улыбка тоненьких губ.

Шеф-повара звали Димычем. Ваня Солнышкин всегда думал, что это сокращенное от Дмитриевича, но оказалось, что когда-то друзья так перекрутили его фамилию – Никодимов. Солнышкин помнил, как лет пять назад его первый раз привели в этот ресторан старые знакомые. Привели прямиком к шеф-повару, словно место это было эксклюзивным кулинарным клубом, в котором сам шеф-повар давал «добро»: кому можно туда приходить, а кому – нет. Димыч в тот раз долго и задумчиво смотрел на Ваню, но было очевидно, что думал он в тот момент о чем-то своем. А Солнышкин, будучи в веселом состоянии духа, решил, помнится, подыграть ему в этом своеобразном визуальном экзамене. Протянул руку. Сказал, как когда-то в детстве: «Ваня Солнышкин». Димыч кивнул, одновременно выныривая из своих мыслей. Сказал: «Знаю, знаю». И кивнул одобрительно своим знакомым, которые Солнышкина к нему и привели. Теперь, конечно, это уже не имело никакого значения.

В «Казанове», расположенном в небольшом подвальчике, где когда-то находился жэковский клуб восточных единоборств, одновременно могли нагурманиваться человек тридцать, не больше. Столики были круглые и идеальные для троих. Компания у них была обычно человек в пять, и тогда за двумя составленными столиками им не было особенно просторно. Но сразу возникало чувство единения, дружеской сплоченности. И, конечно, радовала их всегда еда в исполнении Димыча. Говорили, что он всю жизнь проплавал шеф-поваром на теплоходах. Притом не на каких-нибудь, а на самых крупных круизных лайнерах. Даже на «Адмирале Нахимове». И на берег он сошел как раз перед последним рейсом этого теплохода. Воспитав и оставив после себя достойную смену. После этого, правда, пришлось ему пройти через добрый десяток одесских забегаловок и ресторашек с дешевой публикой и хозяевами, имевшими в голове неполных три класса образования, а на груди и других поверхностях – букет тюремных татуировок. После ссоры с последним хозяином Димыч посчитал самым разумным уехать из Одессы. А у уезжающих из Одессы есть только несколько маршрутов: Нью-Йорк, Тель-Авив, Москва и Киев. Как человек уже приблизившийся к возрасту физиологической сытости, он выбрал самый короткий маршрут.

В «Казанове» официантничали два утонченных молодых человека – Геня и Тарас-Такис. Сперва Солнышкин думал, что это фамилия у Тараса такая, но, как оказалось, Такисом называлась международная организация, оказывавшая материальную благотворительную помощь Украине. А Тарасу как раз удалось получить от этого Такиса грант на поездку в Америку с целью участия в съезде голубых Европы и Америки. Языка никакого он не знал, да и не знает,

и из-за этого Солнышкин подумал о том, что, может, у них, голубых, есть свой особый международный язык, типа эсперанто.

Димыч к своим официантам относился трогательно. Иногда по-отцовски поглаживал их по спине или плечам. В эти моменты взгляд его разворачивался на сто восемьдесят градусов и уходил внутрь его самого, в прошлое, словно когда-то он сам тоже был голубым и нежным, и вспоминал то время с трогательно-тихой грустью.

Но появлялась Вера, и взгляд его тут же разворачивался в обратно-изначальную сторону. И на Геню с Тарасом-Такисом он больше не смотрел. Они только забежали на кухню и оставляли бумажку с номером столика и названием заказа. Вера сидела в углу и смотрела, как ее любимый повар в накрахмаленном ее ручками колпаке творил кулинарные чудеса. Иногда он внезапно опускал ей на колени небольшую тарелочку с каким-нибудь только что приготовленным лакомством. Тут же она получала десертную вилочку – столовые вилки Димыч ей никогда не предлагал, видимо, они сразу входили в пространственное противоречие с ее миниатюрными ручками. И вот сидела она, как Золушка, склонившись на тарелочкой. И ела маленькой десертной вилочкой какой-нибудь «Кокиль Сан-Жак» или что-то в этом роде.

А потом вдруг новость – Димыч пропал! Как? Куда? Это Ване Солнышкину, как бывшему участковому и нынешнему начинающему частному детективу, и поручили выяснить.

Дело было так.

Пришли к нему в десять утра трое крупных мужчин. Одеты элегантно, в стиле Демиса Руссоса. Оставили пальто в прихожей, прошли в гостиную. Посмотрели с уважением на добротную старинную мебель, на парный черно-белый фотопортрет на стене, с которого гордо смотрели на нынешнюю жизнь из своего далекого прошлого ОН и ОНА. ИМ, тогдашним, было лет по сорок, и они были довольны своей жизнью.

– Вы из хорошей семьи, – сказал, присаживаясь за круглый обеденный стол, один из трех.

Двое других сели по обе стороны от него. Солнышкин присел напротив.

– Мы из Ассоциации независимых шеф-поваров Украины, – продолжил говорить тот, кто, очевидно, был главным в этой троице. – Господин Никодимов был ценным членом нашей ассоциации. Нас очень беспокоит его исчезновение. Мы уверены, что вы нам поможете разобраться в этом деле!

Сидевший слева от говорившего положил на стол длинный элегантный конверт.

– Это моя визитка! – говоривший протянул Солнышкину белый прямоугольничек.

Солнышкин в ответ протянул ему свою визитку.

– Мне тоже пришлось когда-то поменять фамилию, – кивнул главный, пробежав визитку взглядом.

Солнышкин бросил взгляд на его визитку: «Иванов Валерий Яковлевич».

«Понятно, за кого он меня принял», – подумал Солнышкин, возвращая на главного гостя свой приветливый взгляд.

2

Первое, что удалось выяснить Солнышкину, так это то, что Геня сразу после пропажи Димыча попал в больницу с тяжелой формой невралгии. Однако на следующее же утро Вера и Тарас-Такис забрали его из больницы. Они вдвоем снова оказались в ресторане, только теперь Вера стала готовить вместо Димыча. Но из меню исчезли многие трудоемкие блюда. И атмосфера изменилась не в лучшую сторону. Тарас-Такис разносил клиентам заказанные блюда на подносе молча, со скорбным выражением лица, словно был он не официантом, а сотрудником похоронного бюро. Вера иногда выглядывала в зал, но тоже без особого блеска в глазах. Хотя дополнительные ресницы все так же наклеивала и круглые глазки обводила. Правда, мини-юбку она больше не носила. Ходила теперь в брючках-дудочках. Сшила себе не очень высокий

поварской колпак и крахмалила его привычно. Так, что он надежно держал положенную ему форму.

Раньше Солнышкин с ней игриво кокетничал, особенно после двух-трех бокалов хорошего вина. И она отвечала взаимностью. Расстояние между ними не бывало короче двух метров, но кивки, улыбки и игривые прищурки заполняли это пространство регулярно. Словно электрические искры между двумя контактами свечи зажигания. Иногда его тянуло поговорить с ней, но в такие моменты друзья не давали Ване Солнышкину отвлечься от застолья. Не хотели они, чтобы Димыч рассердился на него из-за в общем-то невинных приставаний к его крошке.

И вот теперь, когда Ассоциация независимых шеф-поваров Украины обратилась к Солнышкину с хорошо предоплаченной просьбой разобраться в тайне исчезновения Димыча, он, естественно, начал разбираться в этой тайне прямо за столиком ресторана «Казанова».

Тарас-Такис принес меню, в котором многие знакомые Солнышкину названия блюд были замазаны черным фломастером, словно по страницам меню прошелся суровый кулинарный цензор.

Заказав жульен из белых грибов и голубиноного мяса, бокал испанского вина, он попросил официанта присесть на минутку.

Тарас-Такис присел, но только после того, как отнес заказ на кухню.

– Конечно, кое-что я знаю, – ответил он прямо. – Но вы ведь не из милиции... А вообще-то через несколько дней вы все узнаете... Вы только должны все эти дни ужинать исключительно у нас.

После этих слов он с чувством собственного достоинства поднялся и направился к только что присевшему за ближний ко входной двери столик ПОЖИЛОМУ КЛИЕНТУ.

Минут через двадцать из кухни вышла Вера. Она принесла жульен и сама присела рядом с Солнышкиным.

– Вы ищите Димыча, – произнесла она и грустно вздохнула. – Если вы не против, я с вами поужинаю...

Минут через пять она вернулась за столик уже без колпака и белого фартука. Поставила перед собой горшочек с куриным рагу и бокал белого вина.

– Вы же что-то знаете, Вера, – произнес Ваня Солнышкин негромко.

– Знаете, как он меня называл? Маленькой Верой... – Она задумчиво улыбнулась. – Я ведь действительно маленькая, и действительно Вера...

– А кто его видел последним? – спросил Солнышкин снова.

Она задумчиво посмотрела ему в глаза.

– Мы все видели его последними, и вы тоже... Он же себя неважно чувствовал...

– Но что с ним случилось? Куда он пропал? Почему милиция его не ищет? Почему вы, в конце концов, не написали заявление об его исчезновении?

Вера пожала плечиками. Потом пригладила ладонью шерсть своей красной кофточки.

Было видно, что роль загадочно-молчаливой Золушки ей нравилась больше, чем роль Шахерезады. И Солнышкин, не дождавшись ответа, принялся неспешно за жульен. На его зубах таяли белые грибы и кусочки голубиноного мяса, мало чем отличающегося от курятины. Время от времени похрустывали на зубах какие-то специи, причем вкус этих специй был довольно примечательным – кислотность лимонника, привкус дыма, на котором коптился английский бекон, легкая ваниль свежесобранных молочных сливок. Он даже задумался: а почему же все эти изысканные ароматы и вкусы сосредоточились в чем-то хрустящем на зубах?

– Вы знаете, – заговорила вдруг Вера, – Димыч с детства боялся врачей... Ему в трехлетнем возрасте вырезали гланды, и он чуть не захлебнулся собственной кровью... Иногда он мне рассказывал об этом и плакал...

– Вы сказали, что он болел? – Солнышкин с готовностью включился в беседу.

– Я сказала, что он неважно себя чувствовал, – поправила Вера.

– А какая разница: болел или неважно себя чувствовал?
– Болеют болезнями, – пояснила Вера. – А неважно себя чувствуют всем телом или душой...

– У него были душевные проблемы?

– Вы не тонкий человек, – Вера подняла на собеседника свои кругленькие глазки. – Я даже, честно говоря, не пойму: почему он так нежно к вам относился? Он же ведь вас практически не знал!

– Ко мне? – Тут уже настал черед удивляться Солнышкину. – С чего это вы взяли?

– Из его завещания...

– Он оставил завещание? – Тут уже Ваня Солнышкин не смог скрыть своей радости – все-таки уже зацепка!

– Да, оставил, – грустно произнесла Вера. – И согласно завещанию, вы сможете с ним ознакомиться через три дня...

– А когда он его написал?

– Неделю назад.

– То есть он знал о своей будущей смерти?

– Каждый человек знает о своей будущей смерти, и у доброй половины людей лежат наготове завещания.

– Вы хотите сказать, что он не умер? Тогда почему я могу ознакомиться с его завещанием через три дня? Ведь если вы готовы его мне показать, значит, завещателя нет в живых?

– Да, если хотите. Но и в мертвых его тоже нет...

Солнышкин доел свой жульен и уставился в глаза Вере, разыскивая в них, позади или вокруг зрачков, признаки какой-нибудь одурманенности или душевного расстройства.

Но глаза ее были сосредоточенно грустны.

– Тогда где же он? В реанимации? Как в том анекдоте?

– Знаете, – Вера вдруг тяжело вздохнула, – я очень устала, а ваша ирония меня еще больше утомляет!

Она поднялась из-за стола.

– На завтрашний ужин мы вам зарезервировали угловой столик, вон тот! – показала она. – Вы к семи будете?

Солнышкин от неожиданности запнулся, сглотнул слюну, кивнул. Она ушла, оставив его в состоянии легкой озадаченности. Сговорились они, что ли? Решили за его счет финансовые дела ресторана поправить?

Эта же мысль словно пробудила его, и он, поднявшись, вызвал Веру из подсобки и попросил выписать ему полный счет, чтобы потом получить проеденные деньги назад от Ассоциации независимых шеф-поваров Украины. Все-таки ужинал-то он, выполняя их задание! Сам бы он теперь предпочел бы Макдональдс – никакого изыска и никаких вопросов. Да и никаких поваров тоже! Ресторан такой быстрой еды, что ее просто не успевают приготовить!

На улице Ветрова шел дождь. Ветерок подталкивал его в сторону вокзала, а Солнышкину надо было идти по Толстого наверх. И дождь этот летел ему прямо в лицо. Глаза его были уже умыты, щеки мокры. В правой руке он нес кожаный старомодный портфель, в левой – закрытый зонтик. Открывать его было стыдно – две спицы вылетели, и только в закрытом состоянии он выглядел прилично. Раздумывая о дожде, Солнышкин бросил взгляд на свою левую руку, на закрытый зонтик. Осознал его полностью бесполезную тяжесть и перебросил его за забор Ботанического сада. Сразу стало легче. По крайней мере – левой руке. Ничего чужеродного в левой руке больше не было, а «разводное» кольцо на безымянном пальце уже давно потеряло свою золотую инородность – просто срослось с кожей, а потому перестало ощущаться.

3

Около полуночи он чистил зубы у себя в ванной. Драил их так, как когда-то в армии драил пряжку ремня. Нет ничего приятнее, чем засыпать с чувством дикой свежести во рту. Особенно, если засыпаешь в полном одиночестве. Он прополоскал рот несколько раз, бурно выплевывая в раковину уже использованную воду. И все равно что-то заставило его набрать снова воды и снова взбурлить ее во рту, пропуская вперед и назад сквозь сомкнутые зубы – так, должно быть, отсеивают киты пойманный планктон. Солнышкин планктоном не питался, а потому стремился от него отделаться. В конце концов он обнаружил причину своего недовольства – какую-то черную песчинку, застрявшую между зубами. Чтобы от нее избавиться, пришлось отрезать десять сантиметров капроновой лески. Только с помощью лески навел он окончательный порядок у себя во рту и теперь, уставший от борьбы за здоровую гигиену зубов и десен, был готов ко сну сильнее, чем когда-то, во времена советского энтузиазма, был готов к труду и обороне.

4

Утром вчерашнее приглашение на ужин в «Казанову» воспринималось уже совершенно нормально, если не сказать – радостно. Стоило ему только заглянуть в свой холодильник, и любой ужин вне собственной кухни казался чем-то заоблачным. В холодильнике на верхней полке лежал аккуратно завернутый в промасленную бумагу высохший хвостик скумбрии горячего копчения. На нижние полки лучше было вообще не заглядывать. Холостяцкая жизнь имеет свои плюсы, но они никогда не ощущаются желудком. Только за присутствием чая и кофе в доме Солнышкин следил как полагается. Все остальное словно существовало волею случая или каприза. Захаживала к нему одно время знакомая молодая обменщица из «денежного» киоска. Первый раз пришла с шоколадкой. Но во второй раз уже принесла палку сухой колбасы и свежий батон. Увы, увлеклась она им так же неожиданно, как потом охладела. Он так и не успел выяснить: что ей в нем так понравилось. Скажи она ему об этом, может, он бы и подчеркивал эту свою до сих пор самому неизвестную черту. А там, глядишь, и холостяцкая жизнь бы закончилась! И не нужно было бы с такой опаской по утрам заглядывать в холодильник, как в детстве под подушку, – а не подложил ли какой-нибудь Дед Мороз во время сна конфетку!

Солнце освещало этот день часа три. Потом спряталось за облака. Снова подул ветер, но в этот день дул он исключительно в спину Солнышкину, словно подгонял.

В ресторан он появился в половине седьмого. Только ступив на порог, понял, что обещал прийти к семи. Собственно, он был готов просто посидеть полчаса за столиком в размышлениях, настроиться на разговоры о Димыче, придумать какие-нибудь разговорные ходы, чтобы заставить Веру или кого-нибудь из официантов врасплох и вывести у них всю правду, которая, как ему было совершенно ясно, была им известна полностью. Это с ним они не спешили ею делиться. Но как-то порционно, по-ресторанному, так делились, превращая любую крупицу информации в деликатес, который можно только попробовать, но, увы, ни съесть, ни, тем более, насытиться им нельзя.

Солнышкин перебрал за минуту все, что удалось выудить из Веры прошлым вечером. Главным, конечно, было завещание. Но прочитать его дадут только через пару дней. Правда, вряд ли в завещании будет написано, что случилось с завещателем, отчего и когда он умер. Вот на этом бы и надо сосредоточить всевозможные разговоры.

Меню принесла Маленькая Вера.

– Для вас у нас сегодня тушеные заячьи почки с луком-пореем, но сначала – томатно-грибное суфле с горчишно-пивным соусом. К этому водочки?

Солнышкин посмотрел снизу вверх нежным ненавязчиво-вопросительным взглядом.

– Да, грамм сто... – кивнул он, потом добавил ко взгляду улыбку и спросил: – А всю эту роскошь готовить будете вы?

– Я. Но вы не подумайте, что по своей воле.

Ответ удивил. Вера спохватилась:

– Нет, я с удовольствием... Я имею в виду, что меню для вас составляла не я.

– А кто? Можно подумать, что сам Димыч!

– Да, он. Он сам написал, в какой вечер что вам подавать.

– Это что, тоже последняя воля покойного?

– Не надо так о нем! – укорила его за саркастическую интонацию Вера. – Я пойду готовить, а вы вот лучше прочтите, какое письмо он мне когда-то написал! – И она опустила на стол конверт.

Изучив штемпель и определив, что письмо было отправлено из Одессы в Воронеж 23 января 1991 года, Солнышкин вытащил из конверта два листа тонкой почтовой бумаги, исписанных мелким почерком. Вдохнул, как от внутреннего неудобства перед чтением чужих писем.

«Дорогая племяшка,

С досадой понимаю, что на твое совершеннолетие приехать не смогу.

В это время я буду где-то на экваторе кормить интуристов. Но надеюсь, что советская почта меня не подведет, а значит, через недельку-другую тебя ждет сюрприз. Собираю сейчас вещи в рейс и подсчитываю, сколько глупостей я наделал в своей жизни – это у меня уже в привычке. Глупости-то я оставляю на суше, а в рейс пытаюсь брать только самое необходимое и светлые воспоминания. Твой недавний приезд – одно из самых светлых воспоминаний, и даже неодобрение твоей мамой моего образа жизни никак не омрачает это. Она тоже человек хороший, но правильный. А я – хороший, но неправильный. Надеюсь, она не болеет и сможет тебе помочь устроить веселый день рождения. К следующему лету я обещаю сделать царский ремонт, и для вас у меня всегда будет наготове сезонная комната. А если ты решишь приехать ко мне без мамы, но с молодым человеком (ни в коем случае не показывай это письмо Тоне!), то тоже милости прошу и гарантирую полное алиби и «присмотр». (Знаешь, лучше все-таки сожги письмо после прочтения, а то я растеряю всех родственников и тебя ко мне не пустят!)...»

– Вот водочка! – прозвенело над головой Солнышкина, и тут же перед ним опустился графинчик, рюмочка. Графинчик приподнялся, как Гарри Гудини, наполнил рюмочку и опустился рядом. Солнышкин кивнул и снова нырнул в письмо.

«...Кстати, когда Тоня отчитывала меня в твоём присутствии, она преувеличивала. Наверно, для того, чтобы произвести на тебя впечатление. Не бросал я никаких пять жен с детьми. Было у меня всего две официальных жены, да и тех я оставил в покое. И притом впоследствии проверял: все ли у них хорошо. А у последней еще и сантехнику чинил и обои клеил. Так что не суди меня слишком строго. Скоро напишу снова, выберу острова, где марки покрасивее, и pošлю тебе оттуда письмецо. Обнимаю. Твой дядя Сева».

Ваня Солнышкин сложил письмо обратно в конверт, взял рюмочку водки, поднес к губам. Тут же нашупал взглядом блюдечко с маслинками – его-то он прежде и не заметил. Выпил водку, бросил ей вслед две маслинки и задумался. Задумался о письме. Зачем Вера его подсунула? Да еще такое личное? А! Конечно, ведь все считают, что она была его любовницей,

а тут «племяшка». Может, одно другому не мешает, но Солнышкин вдруг заметил, что его отношение к Маленькой Вере потеплело и понежнело. Тайны от мамы и дружба с «плохим» родственником, который бросает жен с детьми и плавает на Экватор. Даже некая ревность кольнула, позавидовал он ей, этой Вере. Его детдомовское детство прошло, как трамвай по прямой колее до самой последней остановки, где его, Ваню Солнышкина, высадили с коричневым картонно-коленкорным чемоданчиком, в котором лежал аккуратно выглаженный «набор выпускника»: три пары серых носков, три пары трусов среднего размера, в которых еще предстояло подтянуть резинки – поддеть, вытащить и завязать «внутренним» узлом. Там же – желтая жестяная коробочка с бритвенным станком и набором лезвий «Восток», хотя он еще не брился.

Солнышкин вздохнул, вынырнув на мгновение из своих детдомовских воспоминаний. И почувствовал, что его опять туда тянет, на эту глубину. Его будущее было тогда непредсказуемо. Он единственный из мальчишек не взял направления в военное училище. У него у единственного, должно быть, возникло тогда ощущение, что он только что это училище закончил. И называлось оно – «Детдом Солнышко». А самим Солнышком был директор – полковник-танкист в отставке Кавалеров Григорий Михайлович, или, как они, детдомовцы, называли его между собой – Гришмиш.

В какой-то момент Солнышкин заметил, что ест нечто вкусное. И ест в полном одиночестве. Он растерянно осмотрелся. Ни Гени, ни Тараса-Такиса, ни Веры – никого не было. И в зале ни одного посетителя. И свет притушен. Не дожевав очередную заячью почку, он поднялся. Прислушался. Подошел к выходу на улицу. Выглянул, вышел на шаг за порог. Развернулся, глянул на входную дверь и увидел на ней табличку: «Извините, у нас сегодня СПЕЦ-ОБСЛУЖИВАНИЕ».

Озадаченный, он вернулся за свой столик. Заметил, что справа стояла уже пустая тарелка, на которой виднелись остатки чего-то им съеденного. «Томатно-грибное суфле!» – понял он и попытался припомнить вкус. Не удалось. Хорошо еще, что заячьи почки были не доедены. И действительно вкусны. И что-то напомнило ему вчерашние специи – во всяком случае во рту возникали вкусовые аллюзии, вкусовые метафоры, вкусовые цитаты, отсылавшие его куда-то в прошлое, и в давнее, и во вчерашнее.

Разговаривать с ним так никто и не вышел. Если, конечно, не считать Геню, возникшего совершенно внезапно с подносом в руке. На столе появились чашечка кофе и пряник на блюдечке, а грязная посуда и пустой графин исчезли.

Внимание Солнышкина привлек пряник – это был так называемый «печатный» пряник с глазурным барельефом трех васнецовских богатырей. Он покрутил его в руках, понюхал. На ощупь он был свежим. Солнышкин на мгновение прикрыл глаза и тут же увидел этих же трех богатырей, только огромных, на картине, висевшей в «переднем покое» его детдома. Каждый входящий упирался взглядом в эту копию Васнецова. С пряником в руке Солнышкин подошел к двери, за которой только что исчез официант Геня. Приоткрыл.

Геня сидел на стуле около широкой плиты и читал книгу. Читал, пока не открылась дверь. Потом поднял голову.

– Извините, а Вера где? – спросил Солнышкин.

– Вера себя неважно почувствовала и пошла в парикмахерскую. Она еще вернется, вы подождите... Может, коньячку?

Солнышкин кивнул и вернулся за стол. Коньячок его не взбодрил, а скорее успокоил.

А Вера, зайдя в ресторан, тут же попросила его провести ее домой. Он даже не успел расплатиться за ужин. Только напомнил ей о счете, но она тут же перебила его, заявив, что ему, Солнышкину, здесь еще ужинать и ужинать.

И они пошли медленно на Печерск. Вера держала его под руку. Ее серое пальто с воротником из серебристой лисицы превращало ее в маленькую мышку. На голове новую прическу скрывал легкий оренбургский платочек.

– Вы обещали со мной поговорить сегодня вечером, – сказал Солнышкин. – О Димыче...

– Я сделала больше, чем обещала, – спокойно ответила она. – Приходите завтра!

5

Утром Солнышкину позвонили из Ассоциации независимых шеф-поваров Украины и поинтересовались результатами расследования.

– На полпути, – ответил он. – Еще денек-два, и все станет ясно.

Надо отдать должное звонившему – более подробно он расспрашивать не стал. Пожелал успеха и сообщил, что они что-то выслали на домашний адрес Солнышкина.

День намечался дождливый и прохладный. С крайней неохотой Солнышкин вышел за хлебом и сыром. Потом долго отогревался за чаем. С такой же неохотой уже по темноте направился он в ресторан «Казанова» на свой третий «рабочий» ужин.

На входной двери в ресторан висела вчерашняя табличка «СПЕЦОБСЛУЖИВАНИЕ». Его она не напугала: еще вчера Солнышкин понял, что именно так называется его ужин. Что это именно его спецобслуживают согласно посмертному меню Димыча.

– Сегодня у нас розовая форель à la нежность, – заговорил над ним сидящим Тарас-Такис, одетый этим вечером так, словно на ночь он собирался в казино или ночной клуб: дорогой, но ярко-красный пиджак с воротником-стойкой, брюки от смокинга, синяя бабочка. – К форели идет мексиканский паровой горошек и паштет из воздушной моркови. Сюда же шардоне 1996 года. На закусочку – гусиное яйцо, фаршированное колобком из перепелиных яиц, креветочного паштета и черной икры. Скажу вам по секрету, что в колобок должен был бы входить и молодой трепанг, но его мы нигде не нашли. Это Северьян Валерьевич на корабле такое готовить мог, а тут... вы сами понимаете... Но все остальное – согласно завещанию!!

– Согласно меню?! – поправил Солнышкин.

– Если вам угодно, можно и так сказать...

Тарас-Такис откланялся и как-то излишне изящно отошел от стола, словно клиент мог это оценить.

Снова атмосфера показалась Солнышкину излишне тихой, и он уже терялся в догадках: будет с ним кто-нибудь разговаривать о Димыче или нет, как дверь в ресторан открылась и внутрь зашел, на ходу складывая зонтик, Геня. Он громко поздоровался и прошмыгнул на кухню. А минуты через три вышел, только уже одетый по-ресторанному, и присел рядом с Солнышкиным.

– Скажите, вы любили своих родителей? – спросил он.

– Да, но я их не знал... Я вырос в детдоме.

На худом лице Гени выразилось удивление, потом словно молния озарения проскользнула в его взгляде и выражение лица стало успокоеннее.

– Я пойду помогу Тарасу, – сказал он и грациозно поднялся из-за стола.

«Где же Маленькая Вера?» – думал Солнышкин, ощущая себя довольно неуютно в компании двух грациозных официантов, которые, казалось, совершенно не собирались ему ничего рассказывать.

Минуты через три оба официанта подошли к столу. Один откупорил шардоне, второй расставил три винных бокала: это уже был добрый знак. Значит, все-таки они присядут.

И действительно присели. Правда, Тарас-Такис только пригубил вина и убежал на кухню. А Геня остался.

– Вера вам что-нибудь говорила? – спросил он, прищулив глазки.

– О чем? – удивился Солнышкин. – О Димыче?

– Да нет, вообще... И о Димыча, и о завещании?

– А вы что, сами ничего не знаете? – с недоверием переспросил Солнышкин. – Я ведь к вам сюда хожу, чтобы выяснить то, что вам известно, а вы как-то не очень-то делитесь...

Геня в знак сожаления скривил тонкие губы.

– Да мы сами... мы мало что знаем, это Вера...

– Может, вы и завещания не видели?

– Нет, – Геня посмотрел клиенту прямо в глаза. – Она дала нам только меню для вас. Меню точно Димыч писал, его почерк...

– А посмотреть на меню можно?

– Зачем? – удивился Геня. – Лучше не надо... Вере это не понравится...

– Вы что, боитесь ее?

– Я пойду посмотрю, как там Тарас... Может, помогу ему...

Нежелание Гени продолжать разговор было более чем явным. Солнышкин попивал вино, глядя на два недопитых бокала. По крайней мере, субординация в этом ресторане теперь была совершенно понятна. Вера де факто после исчезновения или смерти Димыча стала здесь хозяйкой, и теперь эти двое, раньше опекаемые Димычем, боялись за свои места и, судя по всему, имели основания бояться за свое будущее.

Тарас вскоре принес фаршированное гусиное яйцо и убрал со стола посторонние бокалы, подчеркнув этим, что разговор не продолжится.

Солнышкин принялся за закуску. Неожиданный остро-нежный вкус остановил поток его мыслей. Ел он осторожно и с интересом ученого, пытаясь дефрагментировать и выделить все возможные ингредиенты этого блюда. И вдруг – опять из прошлого – вынырнуло лицо детдомовского приятеля Пашки. Глупая улыбочка, наглые глаза, узкий лоб и невероятное любопытство, желание выучить все, что возможно. Особенно его интересовали знаковые системы. В пятом классе он стуком Морзе по парте признавался в любви худой Светке. В седьмом выдавал одной молодой учительнице письмо на бумаге шрифтом Брайля. Она съездила в общество слепых, видимо, они ей вслух прочитали написанное, после чего Пашка при всем классе получил от нее оплеуху. К чему все это вынырнуло? К вопросу о несоответствии. Эти сложнейшие кулинарные рецепты были намного выше уровня самого Димыча или, по крайней мере, его привычного образа. Даже в своем накрахмаленном колпаке он был скорее поваром грубой и простой пищи, в Германии он был бы богом сарделек и жирных отбивных, во Франции был бы знаменит альзасским шаркутом, в Сибири – пельменями. Но заячьи почки, форель à la нежность и вот это фаршированное гусиное яйцо, в котором, правда, не хватает мяса молодого трепанга? Это не могло иметь к нему никакого отношения. Солнышкин, собственно, до сих пор до конца не верил на 100 процентов в правдивость его кулинарных морских походов на коммерческом флоте. Боцмана в нем можно было увидеть, а вот корабельного кока, а тем более шеф-повара круизного лайнера – ну никак. Но тогда почему вспомнился Пашка из детдома? По его мордахе тоже ничего умного и хорошего про ее обладателя никто бы не сказал.

Форель действительно была розовой, а мексиканский паровой горошек напоминал размером и формой чищенные лесные орехи. Тут со вкусовыми качествами было уже попроще. Не в смысле похуже, а именно попроще гаммой. Вкус форели для Солнышкина был не в новинку, хотя число форелей, съеденных им за тридцать два года жизни, можно было бы сосчитать на пальцах двух рук.

Сам себе долил вина в бокал. Сам себе пожелал доброго будущего. Вот только самому с собой чокнуться не удалось. Умиротворение овладело Солнышкиным, и он уже, казалось, не нуждался в собеседниках и даже наслаждался их отсутствием. Но тут гармония нарушилась. В ресторан вошла Маленькая Вера. Сложила свой маленький зонтик, опустила его на пол. Пальто

повесила на вешалку. Осталась в строгом костюмчике деловой женщины, подчеркивавшем ее неделовые достоинства. Подошла.

– Вкусно? – спросила.

– Очень.

– Я сейчас, – и отошла на кухню.

Из-за закрытой двери донесся ее звонкий голос.

Намного приглушеннее звучали оттуда голоса Гени и Тараса-Такиса. По интонациям можно было судить, что доминировала в этом разговоре Вера.

Уже присев рядом с Солнышкиным, она тяжело вздохнула и покачала головой.

– Совсем от рук отбились, – прошептала она и посмотрела на дверь, ведущую в ресторанную кухню.

Через несколько минут, пролетевших в молчаливом ожидании, из двери торопливой походкой вышел Тарас-Такис с подносом.

Перед Солнышкиным и Верой опустилось по большой плоской тарелке, на каждой из которых был «нарисован» изысканный десерт. Листик мяты, засахаренная вишенка, еще какие-то веточки были «приклеены» сладким липким соусом красного цвета к тарелке. А сбоку, своим смещением относительно центра напоминавшая немного планету, кружащуюся не遠далеке от Земли по своей яйцеобразной орбите, лежала крупная розовая горошина апельсинного сорбе.

– Настоящую еду сперва едят глазами, – сказала Вера, и в глазах у нее блеснула романтическая искорка. Солнышкин понял, что только что она процитировала Димыча.

– Они вам не братья? – спросил он, кивнув в сторону кухонной двери.

– С чего вы взяли? – удивилась она.

Ваня Солнышкин взял маленькой ложечкой немного сорбе, опустил себе на язык, почувствовал таяние нежного вкуса.

– Я ведь не знал, что вы – племянница Димыча. Поэтому и спрашиваю: вдруг это у вас семейный ресторан?

– Будет семейным, – спокойно кивнула Вера. – Если эти двое между собой поженятся и усыновят вас...

– Не смешно.

– Да вы не обижайтесь, – улыбнулась Маленькая Вера. – Я за последние несколько дней столько несмешного услышала, что, кажется, чувство юмора ко мне никогда не вернется. А Тарас и Геня... Они ведь даже не голубые! Просто работали раньше в клубе для голубых, их туда и приняли только потому, что они себя за голубых выдавали. А теперь из образа выйти не могут. Тоже мне наркотик!..

– Интересно, – вырвалось у Солнышкина.

– Что интересно?

– Вы, оказывается, не любовница Димыча, они – не голубые! Остался один я, – он засмеялся. – Только надо выяснить я – это не кто?

Вера усмехнулась глазами.

– Скоро выясним! – сказала она успокаивающим тоном доброго врача. – Кофе? Чай?

– Чай.

6

Четвертый ужин по сравнению с третьим показался Солнышкину лишенным изыска. Просто грубым и народным. Хоть и называлось основное блюдо «телятина по-португальски со швейцарскими рести». И салат к нему Тарас-Такис подал странный, из маринованных овощей. Можно было бы подумать, что это вообще готовый зимний салат из ближайшего овощного

магазина, если б в нем не оказалось несколько кусочков свежего манго и мелко нарубленные ягоды фейхоа.

Начинал Солнышкин ужинать в негордом одиночестве со стопочкой клюквенной «Финляндии», но потом к нему уже традиционно присоединилась Вера. В этот вечер, учитывая ожидаемую торжественность раскрытия тайны или преступления, он был одет в свой лучший костюм – темно-синюю вельветовую двойку. К черной полотняной рубашке выбрал узкий, вышитый в украинском народном стиле галстук, который не завязывается узлом – этого он терпеть не мог, – а просто на тонкой резинке обвивает шею под воротником. Вера тоже сегодня была «налегке» – прежняя бордовая мини-юбка, сверху пушистая розовая кофточка. И прическа – впервые он заметил, насколько красивы у нее волосы. Пусть даже и показалась Солнышкину ее прическа несколько старомодной, но ее овалу лица она подходила несомненно – волосы были аккуратно заведены за уши и из-под них снова «рвались» к щекам, подчеркивая проницательность взгляда ее подкрашенных глаз. Это был стиль тридцатых годов.

Вера разделила с Солнышкиным только десерт, который, подобно остальной еде сегодняшнего меню, не отличался изысканностью. Крем-брюле. Корочка цвета капучино. Но вкус порадовал. Солнышкин, возможно, еще дольше радовался бы вкусу, если б в этот момент из кухонной двери не вышел совершенно незнакомый ему мужчина лет пятидесяти. Это был почти двухметровый увалень в темном костюме, в белой рубашке со скучным лицом и таким же галстуком. Он вопросительно, но с осторожностью кивнул Вере. Она указала ему взглядом на пустой стул за их столом. В руках у мужчины была кожаная папка. Он внимательно осмотрел стул, прежде чем усестись на него.

– Это Вальцман Петр Аркадьевич, – представила мужчину Вера. – Юрист Гильдии поваров.

– Гильдии поваров? – переспросил Солнышкин. – Вы имеете какое-то отношение к Ассоциации независимых шеф-поваров Украины?

– Нет, – сухо сообщил юрист. – У нас с ними ничего общего. Мы политикой не занимаемся. Только кулинарией.

«А! – подумал Солнышкин. – Значит, ассоциация занимается политикой?!»

Юрист тем временем раскрыл папку, вытащил оттуда прозрачный файл с документом. Уставился на Солнышкина выжидательно, словно теперь он, Иван Солнышкин, должен был достать какой-нибудь ответный документ.

– Вы, я понимаю, выполняете тут поручение ассоциации, – сказал он и облизал пересохшие толстые губы. – Так вот, то, что я вам сейчас сообщу и покажу, вы не обязаны никому сообщать. Это все касается больше вас, чем вашего поручения. Вы понимаете?

Солнышкин кивнул.

Юрист достал из файла красивый синий бланк с печатями и красными цифрами регистрационного номера. Стал читать:

«Я, Никодимов Северьян Валерьевич, находясь в здравом уме и при светлой памяти, отдаю, как последнюю волю, следующие распоряжения:

Завещаю все свое движимое и недвижимое имущество, а также родственные и иные связи своему единственному сыну Солнышкину Ивану Владимировичу при условии, что он сознательно, или же не зная об этом, съест в четыре приема мой кремированный прах. Меню и подробное описание пропорций для приготовления этих блюд в присутствии частного нотариуса Вальцмана Петра Аркадьевича я собственноручно передаю своей племяннице Волиной Вере Ивановне, которой поручаю проследить за исполнением главного моего желания. Прошу сына моего, Солнышкина Ивана Владимировича, после съедения им моего праха считать мою вину полностью искупленной, простить меня за то, что так поздно разыскал его, и не думать обо мне больше плохо».

В это время кухонная дверь скрипнула, и Вера бросила в сторону кухни сердитый взгляд.

Юрист тоже посмотрел на кухонную дверь, насупился. Но взгляд вернул на завещание.

– Дата и подпись, – закончил читать он и повернулся к Вере.

– Последняя воля покойного выполнена полностью? – спросил он.

Она кивнула и перевела взгляд на Солнышкина.

– Я что, его сын? – вырвалось у него.

– Да, – сказала Вера. – Димыч оставил мне документы, подтверждающие это. Завтра покажу...

– И что... я действительно съел его прах?

Вера кивнула. Юрист, внимательно проследив за этим ее кивком, удовлетворенно улыбнулся и стал засовывать завещание обратно в файл.

– Ваня, – сказала вдруг ласково Вера. – Тебе надо хорошо выспаться... А завтра мы с тобой будем решать, как нам жить дальше... Иди домой!..

На улице шел дождик. Солнышкин мог бы поймать машину и уже греться в ванне или пить чай на кухне. Но как-то странно было на душе. Он шлепал своими лучшими ботинками по вечерним лужам, а в голове крутилась одна и та же фраза: «Я съел своего отца!»

Дома он оказался только после полуночи. Снял плащ, шляпу. Прошел на кухню. И тут его словно по голове ударило: он ведь так и не узнал причину его смерти. Особенно не надеясь застать в ресторане Веру, Солнышкин все-таки подошел к телефону. Как ни странно, Вера еще была там.

– Отчего он умер? – спокойно переспросила она. – От диабета. Он очень любил сладкое.

Утром, уже отправляясь в ресторан «Казанова» на встречу с Верой, Солнышкин вытащил из почтового ящика длинный конверт. Обратный адрес указывал на Ассоциацию независимых шеф-поваров Украины. В конверте находилось красивое тисненное приглашение на выставку достижений кулинарного искусства с громким названием: «Независимой кулинарии Украины – 10 лет!». Выставка проводилась под патронатом внучки президента.

Солнышкин остановился. Приглашение ему явно подсказывало, что он забыл этим утром о чем-то очень важном. Так и оказалось. Он вернулся домой и принялся тщательно чистить зубы.

Укус и поцелуй (форель à la нежность-2)

Повесть

1

Голос, донесшийся из телефонной трубки, сначала показался пьяным, а потому и неразборчивым. Солнышкин уже собирался было позвать к телефону Тараса или Геню, думая, что звонят кому-то из них. Но тут из трубки явно донеслось слово «крот».

– Что? – переспросил Солнышкин, затыкая пальцем левое ухо, через которое в голову прорывался обычный шум ресторанной кухни.

– Это агентство «Крот»? – спросил голос уже отчетливей.

– Да-да! – закричал Солнышкин и махнул рукой официантам, чтобы они замолчали.

В кухне на мгновение возникла тишина.

– У меня к вам дело... где вас найти? – спросил мужской голос. Слова говорившего словно дрожали от холода.

– Ресторан «У Веры» знаете?

– Да.

– Зайдете внутрь, попросите у официантов провести вас в агентство!

2

Посетителя звали Сергей Стельмах. Крупный, высокий, в модном сером пальто до пят, с разбитой губой и очевидным синяком между правым глазом и виском.

Он обернулся, рассматривая необычное помещение.

– Это вы неплохо придумали! Прямо в кухне ресторана! И что, хозяин не против?

– Я – хозяин! – немного насупленно, для того, чтобы выглядеть посolidнее, произнес Солнышкин, подставляя к своему рабочему столу второй стул.

– Присаживайтесь и рассказывайте!

Посетитель расстегнул пальто, но снимать его не стал.

– Я – покороче... Дело в том, что на меня сегодня утром напали... и выбили зубы...

Солнышкин посмотрел на посетителя несколько скептически.

– Вы хотите, чтобы я нашел тех, кто это сделал?

– А чего ж я к вам пришел, – лицо посетителя по мрачнело. – Меня оглушили, а зубы вообще-то вырвали, а не выбили... Врач сказал.

– А ну покажите! – попросил Солнышкин, наклоняясь вперед к посетителю.

Тот раскрыл рот и толстым пальцем указал внутреннее направление.

Когда он вытащил палец изо рта, Солнышкин все свое внимание сосредоточил на дырке шириной в два зуба, видневшейся справа. За дыркой выглядывал, словно стесняясь, зуб мудрости. Из рта пахло знакомым коньяком.

– «Закарпатский 5 звездочек»? – спросил Солнышкин, откидываясь на спинку своего стула.

– «Мартель».

– Хорошо, расскажите подробнее.

– Я выгуливал свою собаку. Я каждое утро ее выгуливаю... В парке, возле дачи Хрущева... Кто-то меня ударил сзади по голове, а когда я пришел в себя, то понял, что во рту чего-то не хватает...

– А собака?

– Что собака?

– Собака вас не защищала?

– Да она и мухи не обидит...

– Кофе хотите? – неожиданно предложил Солнышкин, почувствовав, что ритм разговора необходимо замедлить, иначе он пропустит какую-нибудь важную деталь.

– Можно. С коньяком!

Через десять минут Иван Солнышкин уже знал, что посетитель – начинающий «новый украинец». Занимается оптовой торговлей водкой. Один склад, три мелко оптовых точки, множество клиентов и десяток-другой конкурентов.

– Конфликтов у меня почти не было, – продолжал рассказывать о своей трудовой жизни посетитель. – Только три...

На кухню вдруг заглянул Тарас-Такис, а следом за ним в открытую дверь влетел и отчетливый лай собаки.

Стельмах вскочил.

– Это мой Вася! Я его возле входа привязал! – крикнул он и выбежал.

Солнышкин рванул за ним.

На пороге ресторана заливалась лаем небольшая собака, которую нещадно лупил палкой невысокий старик в джинсах и синей куртке.

– Я тебя сейчас зарюю! – зарычал на старика Сергей Стельмах.

Старик, увидев перед собою разъяренного громилу, сделал шаг назад. Но сдаваться он не собирался.

– А я милицию вызову! Я в ресторан пришел, а тут у входа запрещенного пса-убийцу привязали!

Солнышкин присел на корточки. Перед ним тихонько скулил питбульерьер.

На кухню они вернулись уже вместе с собакой. Следом за ними в ресторан зашел и старик.

– Вы составьте мне список ваших конкурентов, ну, с которыми были проблемы, – попросил Стельмаха Солнышкин. – А я подумаю... У вас же, наверно, охрана есть?

– Не по карману. У меня «крыша» есть, а охраны нет, – пробурчал посетитель. – Список составлю. Вот вам мой телефон... Ищите! Пока.

Полчаса спустя в ресторан пришла Вера. Сразу пригласила Солнышкина поужинать.

Ваня рассказал ей о вырванных зубах молодого бизнесмена.

– Мелочевка, – она снисходительно улыбнулась. – На зубах много не заработаешь.

Ночью Солнышкин никак не мог уснуть. Вставал, бродил по неосвещенной квартире. Думал. Вспоминал прошедший день, питбульерьера Васю, которого старик палкой избил. Словно в наказание за то, что тот не защитил хозяина.

– Зубы, зубы, зубы... – повторял без конца Солнышкин, сидя в одних трусах на холодном стуле.

Но никакие новые мысли в голову не лезли.

И тогда он вскипятил кастрюльку воды, бросил туда две сардельки. И стал смотреть на них сверху вниз, как они игриво переворачивались в кипящей воде, как надувались, готовые вот-вот лопнуть. В какой-то момент интуиция подсказала Солнышкину: «Пора!», и он выключил под кастрюлькой огонь.

Ел и вспоминал Ксюшу, Ксению Борисову, с которой у него годика три назад был лаконичный, но яркий служебный роман. Был он тогда участковым, а она – инспектором комиссии по делам несовершеннолетних. Он ей рассказывал об особенно беспокоивших его жителях своего участка, а она предсказывала их судьбу. И как в воду глядела. Из каждых десяти судебных девять угадала! Вот бы с кем посоветоваться!

3

Найти Ксению оказалось сложнее, чем он думал. В конце концов ему удалось получить номер ее мобильного от одной общей знакомой.

Он позвонил и, к своей радости, услышал из трубки знакомый голос.

– Ксюша? Это Солнышкин!

– Кто? Ваня? Ты? – донеслось издалека ее удивление. – Как это ты меня разыскал?

– Работа у меня теперь такая! С тобой можно увидеться?

– А почему нет? Давай!

Встретились они вечером в кафе книжного магазина «Буква».

Ксения сильно изменилась. Но что в ней изменилось, Ваня понять не мог. Старше она за эти три года не стала. Наоборот, кожа ухоженная, ни одной морщинки на лице. Маленькие золотые сережки с изумрудиками в ушках. Коричневые кожаные брючки, обтягивающая блузка, сапоги на шпильках. Да, это была не та Ксения, с которой он ездил осенью в Ялту. Это была не та шаловливая Ксюша, которая подарила ему на день рождения надувную бабу «Made in Taiwan», «чтобы не было одиноко, когда ее, Ксюши, нет». Но что же все-таки в ней изменилось? Солнышкин, не отрываясь, смотрел ей в лицо, а она протянула руку и сняла с полки книгу. «Энциклопедия преступлений». И улыбнулась.

«Улыбка не изменилась!» – обрадовался Солнышкин, словно все это время искал то, что объединяло сегодняшнюю Ксюшу с Ксюшей трехлетней давности.

Она полистала книжку, потом подняла взгляд на Солнышкина.

– Так о чем ты хотел поговорить? Постой-постой! – ее взгляд неожиданно ушел вниз, на его руки. – Ты развелся?

– Да. Уже давно.

– Ага, – улыбнулась она.

– Я хотел посоветоваться, – заговорил Солнышкин. – Я теперь – частный детектив. Ко мне вчера приходил клиент... Очень странный случай...

– Частный детектив! – перебила его Ксения. – И много дел ты уже раскрыл?

– Одно. Но лучше б я его не раскрывал! Ты можешь меня выслушать?

– Извини, это так неожиданно...

– Так вот, – продолжил Солнышкин. – Он – бизнесмен. Утром прогуливал собаку. У него питбуль. Его оглушили и вырвали изо рта два зуба.

– Питбуля?

– Да нет, хозяина. У хозяина вырвали.

– А собака?

– Собака его не защищала.

Ксюша удивленно покачала головой, глотнула сока.

– Предупреждение? – спросила она.

Солнышкин пожал плечами.

– Явно не хулиганство, – рассуждал он вслух. – Но не за что уцепиться. Я его попросил составить список конкурентов.

– Правильно, – кивнула Ксюша.

– А ты теперь в другом месте работаешь? – осторожно спросил Солнышкин.

– Да, в других органах.

– В СБУ?

– Нет, именно в «других органах». У них нет официального названия... И я не имею права тебе о них рассказывать.

– Понял, вопросов нет, – кивнул Солнышкин. – Но если у тебя будут какие-то мысли по этому поводу...

– Ты что, меня только ради этого разыскал? – спросила она, поднося ко рту кофейную чашечку.

Солнышкин посмотрел на Ксению немного заторможенно. Опять в голове возник вопрос: что в ней изменилось?

– Нет, не только ради этого... Ты как-то изменилась...

– Заметил наконец, – чашечка опустилась на блюдце, а на ее лице расцвела та, прежняя, знакомая ему улыбка.

Она задрала носик кверху и повернула голову так, чтобы Солнышкин лучше оценил ее королевский профиль.

«Нос! – понял Солнышкин. – У нее изменился нос! Раньше был курносый, чуточку смешной, а теперь прямой греческий».

– Ты сделала пластическую операцию? – спросил он.

– Не операцию, а операшку! Мелочь! Девочке-подростку курносость, конечно, к лицу. Шарм! А в моем возрасте надо быть классически красивой!

– Может, позавтракаем вместе? – предположил вслух Солнышкин, не сводя глаз с ее носика.

– Можем. Завтра. У тебя?

Солнышкин вспомнил свою кухню и представил себе Ксюшу в ее коже и шпильках, сидящую за его кухонным столом. Не понравилось. Стало чуть стыдно! За собственное несоответствие.

– Нет, в ресторане... В моем ресторане.

– У тебя есть ресторан? – Глаза Ксении округлились от удивления. – Что ж ты молчишь! Как это? На чем разбогател?

– Я же тебе сказал... На первом своем деле... Так что? Позавтракаем?

4

Завтрак получился на славу. Пока Солнышкин варил на плите принесенные из дома сардельки и жарил яичницу-глазунью, они болтали так легко, словно не прошло трех лет с поры их более близкого знакомства.

Ксения в это утро оделась демократичнее: джинсы, свитер, сверху красная куртка, на ногах – кроссовки «Адидас». Первым делом она осмотрела ресторан. Заметила и портрет Димыча на стене. Спросила, кто это. «Папа», – ответил Солнышкин. «Ты его любил?» – спросила она. «Да», – сказал он.

– Кстати, о зубах, – Ксения улыбнулась по-американски, показывая, что у нее никаких проблем с зубами быть не может. – Я спросила у коллег. Они заинтересовались. Посоветовали отправить клиента к дантисту, чтобы проверить: не подложили ли ему туда, в рот, какого-нибудь медленного яда. Понимаешь?

– Да, – сказал Солнышкин. – Это дельный совет!

– Можешь со мной всегда советоваться, – предложила Ксения. – Я же не только красивая, но и...

В это время у Ксюши в сумке зазвонил мобильный.

– Да? Кто? Слушаю, Петр Алексеевич. Не может быть! Адрес? Ваня, какой здесь адрес? Солнышкин продиктовал, она повторила в трубку своему собеседнику.

– За мной послали машину, – сказала. – Спасибо за завтрак! Ты меня проводишь?

Солнышкин подал Ксюше красную куртку. Они вышли на порог ресторана. Рядом затормозил черный «мерседес».

– Звони! – улыбнулась на прощание Ксюша и, открыв заднюю дверцу, впорхнула в салон. Солнышкин все еще смотрел вслед «мерседесу», когда рядом остановились Тарас и Геня. У обоих в руках были хозяйственные сумки.

– Доброе утро, шеф! – звонко произнес Геня. – У вас хороший вкус. – И он кивнул в сторону уехавшего «мерса».

5

К обеду Сергей Стельмах принес Солнышкину список конкурентов. Всего пять фамилий с названиями фирм и их адресами. Две фамилии подчеркнуты.

– Скорее всего, кто-то из этих двух, – сказал он.

Солнышкин вспомнил совет Ксении.

– Вы сходите сегодня к стоматологу, – сказал он клиенту. – Пусть проверит дырки на месте зубов! Потом перезвоните!

К пяти вечера появилась Вера и попросила Солнышкина помочь что-то вынести из такси. Сумка оказалась тяжелой.

– Свежатиная! По случаю! – радостно сообщила Вера уже на кухне.

Она оглянулась на Геню.

– Достань большую разделочную!

Следующие полчаса были посвящены разделке молодого барашка, купленного Верой на Владимирском рынке. Резал Геня, а Вера и Солнышкин крепко прижимали тушу к большой разделочной доске. Дело спорилось.

Как только Ваня Солнышкин помыл руки и вернулся к своему рабочему столу, теплое нежное дыхание Веры коснулось его шеи.

– У тебя появилась богатая и красивая заказчица? – спросила она.

– Нет, пока только один заказчик-мужчина.

– А кто же приезжал на «мерседесе»?

– Моя старая знакомая, – спокойно сказал он Вере. – У нас с ней был роман года три назад...

– Ага, – кивнула Вера. – Ладно. Ты сегодня со мной поужинаешь? Отметим удачную закупку. Представляешь, целую тушку – шестнадцать кгэ за тридцать баксов!

– А ты уверена, что это барашек, а не собака?

У Веры в глазах блеснул гнев, но наружу она его не выпустила.

– Если б это ты купил, я бы точно задала такой вопрос. Но мне можешь полностью доверять. В мясе и в мужчинах я разбираюсь отлично! Так ты поужинаешь со мной сегодня?

6

Баранина, запеченная в духовке, была чрезвычайно нежна.

– Как ты думаешь, это вино к мясу подходит? – спросила Вера.

Солнышкин отпил вина. Заел кусочком баранины, обмакнув его предварительно в мятный соус.

– Кажется, подходит.

Солнышкин еще раз отпил вина из бокала, посмаковал, прислушался к послевкусию, как его уже несколько раз учила Вера.

– Хорошее вино, – сказал он более уверенно.

– Я рада, что ты со мной согласен. Так расскажи об этой старой знакомой, – неожиданно сменила она тему. – Меня все-таки беспокоит твоя личная жизнь. Откуда ты ее знаешь?

Солнышкин нехотя рассказал Вере о Ксюше. Вера слушала внимательно и дружелюбно.

– Познакомишь? – спросила она.

– Ладно. Может, ты ее на ужин пригласишь?

– Ну, положим, на ужин ты ее должен приглашать. Ты здесь хозяин. Знаешь, – после минутной паузы добавила Вера, – нам надо с тобой по магазинам пройти. Переодеть тебя немножко. Из-за любви к прямым линиям и к антиквариату в одежде ты теряешь часть своей привлекательности!

Солнышкин успел только удивиться этим словам. Ответить не успел. Возле их столика появился Тарас.

– Шеф, вас к телефону!

На кухне было жарко. Что-то шипело на сковородке у Гени.

– Слушаю! – деловито бросил Солнышкин в трубку.

– Это агентство «Крот»? – спросил мужской голос.

– Да!

– Вы знаете, я звонил в другие агентства, но они отказались... Говорят, мелочь. Но я готов заплатить!

– Вы можете конкретнее? – попросил взволнованного собеседника Солнышкин.

– Дело в том, что у меня вырвали половину зубов. Напоили, а когда я пришел в себя – во рту пусто, а сам я в Святошинском лесу... Понимаете? Если этих сук найдете, я им уши поотрезаю!

По лицу Солнышкина промелькнула осторожная улыбка.

– Приезжайте! Срочно приезжайте! Это очень интересно!

– Что интересно? – удивился собеседник на другом конце линии.

– Интересное дело, – пояснил Солнышкин. – Я берусь!

Он продиктовал собеседнику адрес ресторана.

– Ну что там, какие новости? – спросила Вера, когда Солнышкин вернулся за столик.

– Хорошие, еще у одного клиента зубы изо рта вырвали!

Внимание его внезапно переключилось на старика в твидовом пиджаке, ужинавшего в гордом одиночестве за ближним ко входу столом. Где-то он его видел! Солнышкин задумался и припомнил – это был тот самый старик, который избил палкой питбуля Васю.

7

Второй обеззубленный клиент был невысокого роста и худощаво- жилистого телосложения. Короткая стрижка и модная пятидневная небритость, придающая лицу дополнительную мужественность и шершавость.

Зайдя на ресторанный кухню, он ничему не удивился. Только понимающе кивнул, предварительно бросив взгляд по сторонам.

Нового заказчика звали Максим Целинник. Был он хозяином двух бензocolонок.

Прошлым вечером он крепко загулял по причине ссоры со своей подругой. Начинили вечер они вместе в ресторане «Дежавю» возле Оперы, но именно там и произошла ссора, причины которой пострадавший уже не помнил. Зато помнил, что, оставив подругу в «Дежавю», сел на свое «ауди» и приехал на Парковую аллею в «Курени», где съел шашлык и выпил двести грамм «Абсолюта». После этого решил проветриться и стал гонять на машине по Большой окружной – транспорта там уже почти не было. Там же, на Большой окружной, остановился возле какого-то ночного заведения. С кем-то говорил, что-то пил. А очнулся в Святошинском лесу. Бумажник не пропал, ключи от машины не пропали, зато пропал мобильник и половина зубов.

– И машину не забрали? – спросил Солнышкин, внимательно выслушав рассказ Целинника.

– Не знаю, я ее еще не искал, – ответил заказчик.

– А сейчас вы на машине?

– Да, на служебной. С шофером.

– Так давайте поедem, поищем вашу машину и то ночное заведение, возле которого вы ее оставили!

Максим Целинник задумчиво провел рукой по своей модной щетине, посмотрел пристально в глаза Солнышкину, словно тот предложил ему сейчас подозрительно выгодную сделку.

8

На Большой окружной хорошо освещались только автозаправки и бары. Целинник приказал шоферу – парню лет двадцати – ехать медленно по ближней к тротуару полосе. Свет фар то и дело выхватывал из темноты молодых проституток, выходивших на дорогу при виде медленно едущей иномарки. Видимо, они думали, что в машине – любители экзотически дешевых сексуальных развлечений, и старались попасть в свет фар.

– Дальше, дальше! – сухим, скрипучим голосом командовал шоферу Целинник.

Так они проехали до самого конца Большой окружной. Развернулись на Одесской площади и по другой стороне поехали обратно.

– Стой! – вырвалось внезапно у Целинника.

Машина остановилась. Солнышкин, сидевший сзади, нажал на кнопку и опустил в дверце стекло. Перед ним на фоне темного неба и засыпающего города горел неоновыми огнями островок веселья и временного счастья под названием «Оазис» – автозаправка, ресторан, бар и бильярд. При этом название горело зелеными огнями, а все остальные слова были «написаны» огромными красными буквами.

– Здесь! – уверенно произнес Целинник. – А вон и моя машинка!

Они остановились возле зеленой «ауди».

Целинник нажал на дистанционку. «Ауди» послушно пипикнула и замигала. Сев на водительское сиденье, Максим Целинник осмотрелся. Заглянул в бардачок.

– Все на месте, – сказал он Солнышкину.

Зайти в бар и поговорить с барменом и официантами Целинник отказался.

– Нет. Сами их расспрашивайте! – сказал он.

– Как мне спрашивать? – Солнышкин удивился. – Они меня и слушать не будут, если я начну им вас описывать.

Целинник снова открыл бардачок и выудил оттуда фотографию. Протянул снимок Солнышкину.

На снимке Максим Целинник стоял в обнимку с длинноногой красавицей. На заднем плане симпатичные домики карабкались вверх, в гору.

– Крым? – спросил Солнышкин.

– Капри.

В баре Целинника никто не помнил. Зато вспомнили длинноногую красавицу. Она, оказывается, была здесь за последнюю неделю два раза с разными спутниками. «Но не с этим!» – сказал бармен, ткнув пальцем в Целинника.

После безрезультативного посещения бара Целинник отвез Солнышкина в Святошинский лес. Солнышкину хотелось найти и осмотреть то место, где Целинник пришел в себя.

Светило неожиданное после дождливой и ветреной ночи солнце. Даже птицы пели в лесу как-то излишне весело.

Место преступления Целинник определил довольно быстро. Действительно, в десяти метрах от Житомирской трассы за кустарником на полянке была до сих пор примята осенняя

травы. Валялись обломанные ветки деревьев, какие-то бумажки, шариковая ручка. От этого места к дороге через кустарник тянулась по земле борозда.

– Вас сюда приволокли с дороги, – сказал Солнышкин, показывая на нее рукой Целиннику. – Так что, возможно, зубы вам вырвали в другом месте.

Целинник стоял рядом. Лицо его побледнело. Правую ладонь он прижимал к подбородку и тупо смотрел на упомянутую борозду.

Солнышкин присел на корточки. Вдруг взгляд его остановился на чем-то черном, лежащем как раз в кустарнике, через который волокли Целинника. Он подошел туда и поднял с земли мобильный телефон.

– Ваш? – спросил он.

Целинник кивнул. Взял мобильник и сунул в карман.

– Давайте сворачиваться, – сказал Целинник с выражением зубной боли на лице. – Мне надо к стоматологу за новой порцией обезболивающего!

– А можно мне с вами? – спросил Солнышкин.

9

Личным врачом-дантистом Целинника оказалась очаровательная блондинка лет тридцати пяти. Прежде чем усадить своего клиента в стоматологическое кресло, она пару минут посвятила изучению лица Солнышкина и, как показалось ему, заглянула ему в зубы, пока он приветливо ей улыбался. Быстро обновив обезболивающее, врач предложила Ване бесплатный профилактический осмотр.

– У вас потрясающие зубы, – произнесла она восхищенно, выпрямляя спину.

Солнышкин закрыл рот. Поднялся с кресла.

– Возьмите, – она протянула визитную карточку. – Даже великолепные зубы нуждаются в профилактическом осмотре хотя бы раз в полгода!

Солнышкин вручил блондинке свою карточку.

– Конечно, не дай бог, – приветливо сказал он, – но если понадобится помощь...

– Мы все нужны друг другу, – заверила блондинка, отметив взглядом род его занятий, указанный на визитке.

10

Светлый волнующий образ блондинки-стоматолога со сверкающей американской улыбкой никак не выветривался из памяти Солнышкина. И даже покидая вечером ресторан, в сумерках спускаясь по ступенькам, он все еще думал о ней. Причем воображение его не рисовало никаких сексуальных фантазий. Нет, просто образ этой женщины романтизировался и как бы застрял в голове. Словно вызвал из подсознания подавленное стремление к романтической любви. Солнышкин на ходу пытался переключиться на образ Ксюши, но не получалось. Вечер был прохладным, но сухим. Воздух дышал глубокой осенью. Прелость опавших листьев насыщала этот воздух особенным сладко-кислым сиропом.

Время от времени мимо проезжали машины, разгоняя сумерки желтым светом фар. Они на мгновение отвлекали Солнышкина от осени и от образа блондинки-стоматолога. И когда очередная машина обогнала его, он слышал за спиной шаги. Обернулся. Метрах в десяти за ним следовал высокий, должно быть двухметровый, мужчина в непритязательной серой куртке, похожей на ватник. Может, она была и не серая. Серым был вечер, красивший окружающий мир в собственный цвет. Мужчина шел также неспешно. И подумал Солнышкин, что бредет за ним следом такой же одинокий путник, углубившийся в собственные чувства и

мысли. Даже захотелось обменяться с ним парой слов. И как бы невзначай он остановился и спросил у приблизившегося двухметрового великана: «Который час?»

Мужчина среагировал странно. Он ускорил шаг и, так и не ответив на вопрос, свернул впереди в какой-то двор, оставив Солнышкина озадаченным.

«Ладно», – подумал Ваня Солнышкин. И побрел дальше.

Сворачивая на Глубочицкую, он обернулся, вспомнив о странном попутчике. И увидел его метрах в тридцати. Тот, заметив обернувшегося Солнышкина, остановился и шагнул за придорожное дерево.

11

В ресторане Солнышкин оказался в этот день опять раньше всех. Уселся за свой стол. Посмотрел с уважением на настенный телефон – все-таки большая редкость. К тому же солидный, не какая-нибудь там телефонная трубка с номеронабирателем посередине.

Тишина утреннего ресторана располагала к спокойному мирозерцанию. Хотя утро, конечно, было уже довольно позднее. Еще пятнадцать минут – и полдень, после чего время суток резко сдвигается в сторону грядущего вечера. Это особенно легко ощущается поздней осенью.

Откинувшись на спинку стула, Солнышкин оглянулся на портрет Димыча.

«Надо свести Целинника со Стельмахом, – подумал он. – И поискать, что у них общего. Хорошо бы еще кого-нибудь найти с вырванными зубами... Ведь почерк серийных убийц определяют по трем убийствам...»

12

В кафе «Ярославна» было тихо и уютно. За соседним столиком расслабленно пили водку радиожурналисты. Это Ваня Солнышкин понял уже через три минуты после того, как сам устроился за свободным столиком. Он ждал Ксюшу.

Ксения опаздывала. За стеклянной стенкой-витриной накрапывал вечерний дождик. До слуха Солнышкина иногда доносилось приятное шипение шин по мокрому асфальту. Радиожурналисты перешли на анекдоты.

Черный «мерседес» остановился возле входа в кафе, и он увидел, как из машины элегантно вышла она. Заглянула внутрь, нашла его взглядом.

– Извини! – прошептала. – Я, кажется, опоздала...

Солнышкин освободил ее от темно-зеленого плаща. Повесил его на деревянную вешалку. Она опустила сумочку на свободный стул.

– Возьми мне что-нибудь по своему вкусу! – попросила.

Ваня Солнышкин принес ей кофе с коньяком.

– Не обращайтесь на меня внимания! – игриво прошептала она трем уже хорошо выпившим мужикам. Возвратила взгляд на Солнышкина.

– Рассказывай! – попросила она расслабленно.

– Знаешь, новостей немного. Зато я познакомился с роскошной блондинкой-стоматологом, которая сказала, что у меня потрясающие зубы! – Солнышкин улыбнулся по-американски, демонстрируя Ксюше то, что привело в такой восторг женщину-врача. – Ездил к ней вместе с Целинником, она – его дантист. А вчера мне показалось, что за мной следят. По крайней мере, дважды видел за собой двухметрового увальня...

Ксения беззвучно рассмеялась, обнажив свои роскошные зубы.

– Ты такой забавный! Следят? За тобой? – Она покачала головой.

– Ты что, уже пила сегодня? – спросил Солнышкин. В его голосе промелькнула обида.

– Нет, что ты! Такой трудный день! Я как раз ждала нашей встречи, чтобы расслабиться!.. У меня от излишней работы только одно в голове возникает...

Солнышкин задумчиво посмотрел на бар, на стеллажи с бутылками виски, джина, водки и вина.

«Может, и мне надо расслабиться?» – подумал он.

– Кстати, ты случайно адресок этой блондинки не взял?

Солнышкин вытащил из кармана визитку дамы-стоматолога и показал Ксюше.

– Я тебе ее потом отдам. Мне бы тоже надо зубки проверить!

Журналисты за соседним столиком принялись за следующую бутылку водки. Их разговор стал громче. Солнышкину это не нравилось.

– Пойдем куда-нибудь в другое место! – предложил он.

– Пошли к тебе! – прошептала Ксения. – Я у тебя уже три года не была!

Солнышкин удивился, но с готовностью кивнул.

Под ее синим зонтиком они прогулялись мимо Золотых ворот, вышли на Владимирскую. Она держала его под руку. Ему это было приятно. Дождь заставлял их идти плечо к плечу под «одноместным» зонтиком. И они шли, переступая через ручейки воды, стремившиеся влиться в большой ручей, бежавший вниз по Владимирской, в сторону Оперного театра.

На кухне у Солнышкина, уже сняв плащ, но все еще в сапогах с высокими каблуками, Ксюша закурила сигарету.

– Налей мне чего-нибудь вкусного и крепкого, – попросила она.

Солнышкин отправился в гостиную, заглянул в свой бар. Запасы были не столь разнообразны, как хотелось. Коньяк, портвейн, клюквенный «Абсолют».

Все три бутылки переключивали на кухню, и там уже состоялся окончательный выбор. В пользу «Абсолюта», конечно.

– А ты помнишь, как ты меня раздевал? – спросила порозовевшая лицом Ксюша.

– Конечно, помню!

– Знаешь, в этом деле ты был действительно лучшим!

– В раздевании?

– Да.

«А в остальном?» – подумал Солнышкин, добавляя в рюмки вкусной розовой водки.

– Послушай, а как мы расстались? – спросила вдруг Ксения, обратив на Солнышкина вопросительно-сосредоточенный взгляд. – Знаешь, я этот важный драматический момент совсем забыла!

Солнышкин сделал вид, что напряг свою память. На самом деле как такового расставания не было. Ксения просто исчезла, оставив записку: «Не ищи. Захочу – позвоню!»

– Нет, не помню, – Солнышкин отрицательно мотнул головой.

– Может, это и хорошо, – пожал плечиками Ксюша. – Ой, мне что-то уже жарко! Помоги снять са поги!

Солнышкин опустился на корточки. Расстегнул на бордовых кожаных сапогах молнию, взялся левой рукой за задник с каблуком, потянул на себя. Так же стянул с ее ножки и второй сапог. Потом посмотрел на нее снизу вверх. Она сидела с зажмуренными глазами. Лицо удерживало улыбку удовольствия.

Солнышкин посмотрел на ее ножки, освобожденные от сапог. В нос пробрался сладковатый запах духов. Солнышкин удивился. Наклонился, почти касаясь носом, к пальчикам, спрятавшимся за тонкой вуалью колготок. Посмотрел на бордовый, под цвет сапог, педикюр. Сладковатый запах духов снова напомнил о себе, только теперь – намного интенсивнее.

Он снова поднял голову, чтобы увидеть ее лицо – то же выражение.

«Она ждет», – подумал Солнышкин.

Утром, когда они проснулись, Ксения удивилась, что вся ее одежда лежит на кухне.

– Откуда это у тебя? – спросил он, показывая взглядом на розовую полоску шрама на ее животике.

– Пыталась понравиться одному наркоману, – игриво ответила она. – Не понравилась...

– А зачем тебе был нужен наркоман?

– По службе.

На завтрак Солнышкин варил им по сардельке. Ксюша, укутавшись в его махровый халат, сидела за кухонным столом и наблюдала. Ей казалось, что вот так, как сейчас, одетый только в «боксерские» трусы, он смотрится намного лучше, чем одетый полностью. Может, потому, думала она, что он не умеет одеваться? Может, у него нет вкуса к одежде?

Солнышкин посмотрел Ксении в глаза.

– Ты действительно хочешь, чтобы мы снова были вместе? – спросил он.

– У тебя очень замедленная реакция, – усмехнулась Ксюша. – Этот вопрос можно было задать вчера в кафе. Сегодня его задавать уже поздно. Слишком поздно... Где вторые ключи от квартиры?

Солнышкин, отправивший в этот момент последний кусок сардельки себе в рот, поперхнулся. Ксюша быстро поднялась и с силой ударила его по затылку. Кусок сардельки вылетел изо рта, как пробка из бутылки шампанского.

– Вот видишь, я тебе уже и жизнь спасла! – сказала она, присаживаясь напротив.

13

Утром, сидя за своим рабочим столом, Солнышкин никак не мог сосредоточиться. Вместо того чтобы думать о похищенных зубах, его мысли все время возвращались к Ксении Борисовой. К тому моменту, когда в ее сумочке зазвонил мобильник и она опустила на стол чашечку с недопитым кофе, продиктовала кому-то его, Солнышкина, домашний адрес. После этого удивительно быстро оделась и стояла минут десять, глядя из кухонного окна на улицу, пока не приехал уже знакомый черный «мерседес», который и увез ее.

На ресторанной кухне пахло пряностями. В мойке лежала гора немытой посуды. У Солнышкина начинала болеть голова. Телефон молчал. Из крана над мойкой капала вода. Капли звучали все громче и громче, пока Солнышкин не потер пальцами оба виска и не смирился с тем, что по крайней мере половину этого дня можно будет списать, выбросить. Только одно могло компенсировать его нынешнее нерабочее состояние – воспоминания о прошлой ночи.

Солнышкин тяжело вздохнул. Ночью он был высоко, почти на пике Коммунизма, если говорить языком альпинистов, а теперь, что вполне естественно после резкого спуска, у него появились симптомы отравления кислородом.

Он подошел к мойке, надел желтые резиновые перчатки, налил сверху на грязную посуду жидкого мыла и пустил горячую воду.

Пока мыл посуду, мысли начали оживать. Они подсчитывали, сколько клиентов было вчера в ресторане. Они поняли, что вчера было съедено двенадцать основных блюд, девять видов закусок, пять десертов.

«Почему только пять? – думал Солнышкин, домыывая последнюю десертную тарелку. – Пять дам, а остальные – мужики?»

Логику его размышлений нарушил звонок настенного телефона.

– Вы там на месте? – спросил грубый мужской голос.

– Кто «мы»?

– Ну вы, в ресторане!

– Я на месте.

– А вы кто? – спросил голос.

– Я – хозяин, а вы – кто?

– Я щас приду, я пожарный!

Короткие гудки побудили обалдевшего Солнышкина повесить трубку на рычаг.

«Пожарный? – думал он. – Откуда? Зачем? Пожара здесь не было...»

Оглянулся и внимательно посмотрел по сторонам. Ни копоты на потолке, ни пожара. Вытяжка исправна. Солнышкин пожал плечами.

Пожарного звали Хвалибеда Петр Романович. Появился он через полчаса. Одет был в кожух. В руках – деловой портфель старого советского образца. Во рту – два или три золотых зуба.

– Так шо тут у вас? – спросил он, не поздоровавшись, как только прошел следом за хозяином на ресторанный кухню. Затем достал из кармана кожуха пачку «Примы». Закурил. – Вы не против?! – произнес он почти без вопросительной интонации.

Осмотревшись, глянул сверху вниз на Солнышкина. Ему это было легко, ведь был он, как минимум, на полголовы выше хозяина ресторана. Солнышкин тут же мысленно сравнил его с человеком, несколько дней назад следившим за ним на Татарке.

– У нас тут все в порядке, – стараясь оставаться спокойным, ответил Ваня Солнышкин, воротя нос от папиросного дыма.

– Заблуждаетесь, – так же спокойно сказал пожарный, роясь в левом кармане кожуха.

Наконец он вытащил оттуда строительную рулетку. Подозвал Солнышкина к печке, попросил прижать пальцем к углу конец металлической ленты. А сам с рулеткой отошел к письменному столу.

– Полтора метра! – сказал он, многозначительно кивнув. – Подержите! – он протянул Солнышкину недокуренную папиросу.

Потом сделал круг, останавливаясь в разных местах, чтобы провозгласить очередное расстояние от печки до ближайшего стола или мойки.

– Вы знаете, какое расстояние должно быть между источником повышенной опасности и легковоспламеняющимися предметами? – Его глаза буравили Солнышкина, как два ствола одной охотничьей винтовки, из которых вот-вот вылетит дробь.

– Какое? – машинально спросил Солнышкин, хотя ответ его совершенно не интересовал. Он уже понял, что все эти сантиметры будут измеряться в другом эквиваленте. Придет время, и он обязательно узнает, почему сантиметр безопасного расстояния.

– Два метра семьдесят сантиметров минимум! – Пожарный сделал шаг вперед и придавил окурком носком ботинка. – И это при условии наличия всех видов обязательной противопожарной защиты: огнетушителя, ящика с песком, багра, топора, ведра и лопаты. Понятно?

Солнышкину вдруг пришла спасительная мысль. Он глянул на часы – шестнадцать ноль-ноль. Если убедить пожарного посидеть часик, то можно переключить его на Веру. Она наверняка найдет с ним общий язык!

– Вы не спешите? – спросил Солнышкин.

Пожарный от неожиданности улыбнулся, и во рту его сверкнули все-таки три, а не два золотых зуба.

– А что? – спросил он, подталкивая Солнышкина к мысли о том, что пожарные никогда никуда не спешат и очень любят сюрпризы.

– Может, вы замерзли? – спросил осторожно Солнышкин. – Все-таки осень.

– Согреюсь, – решительно кивнул пожарный, соглашаясь с произнесенным, но понятным предложением. – Но только не в одиночестве!

Ксюша вторым комплектом ключей от его квартиры не воспользовалась. Она улетела на Кипр. «По служебным делам». Настроение у Солнышкина соответствовало показаниям градусника, висевшего за окном. Он чувствовал себя душевно замерзшим и брошенным.

В дверь позвонили часов в десять. Солнышкин затянул пояс на махровом халате и уже протянул руку к язычку замка, но тут в замке скрежетнул проворачивающийся ключ.

«Ксения!» – догадался Солнышкин и сделал шаг назад, уже представляя себе, как она входит в коридор.

Но к его удивлению за открывшейся дверью появился аккуратный, но серо одетый мужчина с большой коробкой.

– Извините, я не знал, что кто-то будет дома... Ксения Сергеевна попросила это сюда привезти. Ей надо было срочно на работу. Прямо из Борисполя. До свидания!

Пока Солнышкин смотрел на большую картонную коробку, дверь тихонько закрылась и мужчина исчез.

– Кто здесь живет? – спросил самого себя вслух Солнышкин, и оглянулся по сторонам.

Подошел к коридорному зеркалу. Посмотрел на свое возмущенно-недоуменное отражение.

– Если здесь живешь ты, – обратился он к отражению, – то никакие другие мужчины здесь появляться не должны. Женщины могут, но мужчины – нет! Запомни! У тебя – правильная ориентация!

Картонная коробка оказалась не тяжелой. Он занес ее в гостиную и, оставив на полу, вернулся на кухню.

Выпив кофе, он набрал номер Ксении.

– С приездом! – сказал ей в трубку. – Кого это ты сюда посылала?

– Это мой шофер, не беспокойся! А в коробке кое-что для тебя! Ты вечером свободен?

– Да.

– Зубные дела закончил?

– Нет.

В картонной коробке оказался медный кальян и несколько жестянок с табаком. Жестянки напомнили ему детство. В таких жестянках лет тридцать назад продавались леденцы, или, как они тогда назывались, монпасье.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.